

ТАМБОВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ИЗДАНИЕ ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ.

№ 2-й.

12-го Января 1908 года.

ТАМБОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія.

ГОДЪ

LXIX

ТАМБОВСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВѢДОМОСТИ

№ 2.

Выходятъ еже-
недѣльно по суббо-
тамъ. Подписка при-
нимается въ редак-
ци, при духовной
Семинаріи.

12 ЯНВАРЯ
1908 ГОДА.

Годовая цѣна съ
пересылкою и до-
ставкою 6 р. 25 к.
Подписка на время
менѣе года и про-
дажа отдѣльных
номеровъ не допу-
скаются.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ.

Назначены на должности: а) помощника духовно-судебнаго слѣдователя Козловскаго округа, священникъ с. Донской Слободы Василій Трунцевъ; б) церковныхъ старостъ на 1-е трехлѣтіе къ церкви с. Липовки, Борисоглѣбскаго уѣзда, крестьянинъ Павель Минаевъ, къ церкви деревни Громушки, Росляйскаго прихода, Тамбовскаго уѣзда, крестьянинъ Павель Бабанцевъ.

Уволены за штатъ: согласно прошеніямъ — псаломщикъ села Большого Пролома, Шацкого уѣзда, Александръ Никитинъ и псаломщикъ села Квасьева, Елатомскаго уѣзда, Иванъ Починскій, 4 января въ административномъ порядкѣ — священникъ Іоаннъ Убранцевъ и псаломщикъ Алексѣй Павловскій села Спаскаго Рамеья, Темниковскаго уѣзда, 15 декабря.

Отъ Совѣта Тамбовскаго Епархіальнаго Женскаго училища.

На обсужденіе Епархіальнаго Съѣзда духовенства Совѣтомъ училища, кромѣ напечатанныхъ въ № 51-мъ Тамбовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей вопросовъ, будетъ предложенъ еще одинъ вопросъ объ увеличеніи вознагражденія преподавателямъ и преподавательницамъ училища.

Отъ Правленія Шацкаго духовнаго училища.

При Шацкомъ духовномъ училищѣ въ настоящее время состоитъ вакантною должность эконома училища съ жалованьемъ въ 300 руб. въ годъ при готовой квартирѣ и столѣ. Желательно имѣть кандидатомъ діакона вдового или бездѣтнаго.

Отъ Правленія Тамбовской Духовной Семинаріи.

I.

Правленіе Тамбовской Духовной Семинаріи симъ объявляетъ, что въ залѣ Присутствія его назначены торги на 22 января 1908 г. съ переторжкой черезъ три дня на отдачу подряда по постройкѣ новыхъ и ремонту существующихъ зданій Тамбовской Духовной Семинаріи въ суммѣ двухсотъ сорока трехъ тысячъ восьмисотъ двадцати трехъ (243823) руб. 72 коп.

Торги будутъ производиться въ 10 часовъ утра.

Подробныя кондиціи для производства предстоящихъ работъ, раздѣленныхъ на три строительныхъ года (1908, 1909 и 1910), а такъ

же всѣ относящіеся къ работамъ планы и смѣты желающіе участвовать въ торгахъ могутъ видѣть ежедневно (кромѣ праздниковъ) въ Правленіи Тамбовской Духовной Семинаріи отъ 10 до 1 дня.

Согласно положенію о казенныхъ подрядахъ, лица, желающія торговаться, обязаны представить: 1) паспорта или другіе виды о своемъ званіи; 2) документы на благонадежные залого или поручительства.

Ректоръ Семинаріи, Протоіерей *І. Панормовъ*.

Секретарь Правленія *А. Нечаевъ*.

II.

Вслѣдствіе перехода о. діакона Платона Казанскаго на епархіальную службу, съ 1 января 1908 г. принимаются Правленіемъ Тамбовской Духовной Семинаріи прошенія на открывающуюся должность при Семинаріи эконома оной.

По сей должности жалованья при готовомъ столѣ, казенной квартирѣ съ отопленіемъ и освѣщеніемъ положено 450 руб. и за служеніе діакonomъ въ церкви Семинаріи 50 руб.

При прошеніи на имя Правленія Семинаріи должны быть представлены одобрительные отзывы благочинныхъ или священниковъ-настоятелей о просителѣ.

Ректоръ Семинаріи, Протоіерей *І. Панормовъ*.

Секретарь Правленія *А. Нечаевъ*.

СПИСОКЪ

свободныхъ священно-церковно-служительскихъ мѣстъ по Тамбовской епархіи.

Священническія мѣста:

1) При церкви с. Пановыхъ Кустовъ, Тамбовскаго уѣзда, съ 12 декабря.

2) При церкви с. Спасскаго-Раменья, Темниковскаго уѣзда, свободно съ 15 декабря; причта положено: священникъ и псаломщикъ; земли 32 десят., дома для причта церковныя, душъ м. п. 882.

Діаконскія мѣста:

- 1) При церкви с. Вибикова, Козловскаго уѣзда, съ 14 декаб.
- 2) При церкви с. Чикаревки, Борисоглѣбскаго уѣзда, съ 22 декабря.
- 3) При церкви с. Кондровки, Темниковскаго у., съ 22 декаб.
- 4) При церкви с. Излегощи, Усманскаго уѣзда, съ 20 декаб.

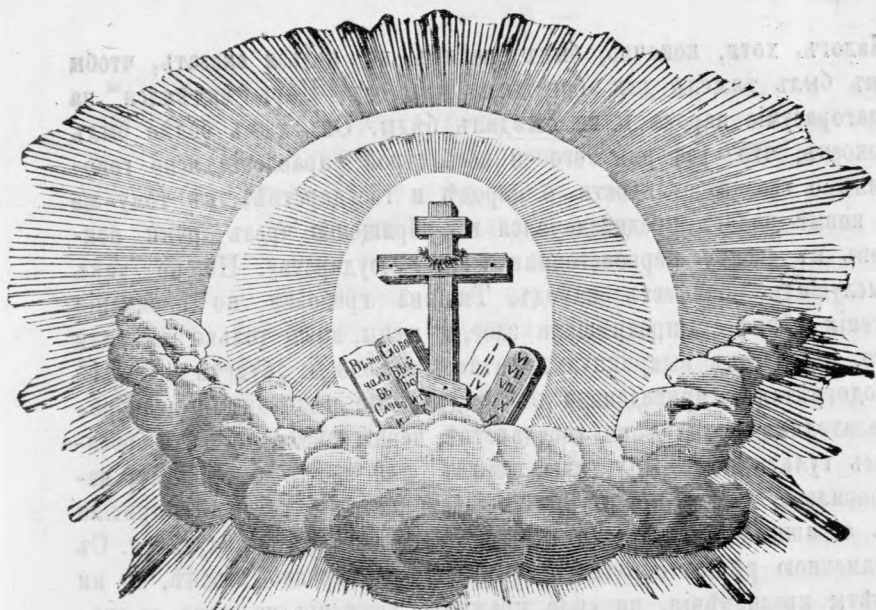
Псаломщическія мѣста:

- 1) При церкви с. Гуменъ, Моршанскаго уѣзда, съ 22 декаб.
- 2) При церкви Кирсановскаго Оржевскаго монастыря, съ 22 декабря.
- 3) При церкви с. Спасскаго-Раменья, Темниковскаго уѣзда, съ 15 декабря; причта положено: священникъ и псаломщикъ, земли 32 десят., дома для причта церковныя, душъ м. п. 882.
- 4) При церкви с. Большаго Пролома, Шацкаго уѣзда, съ 4 января, причта положено: священникъ и псаломщикъ, земли 33 десят., душъ м. п. 600; причтъ получаетъ пособіе отъ казны, въ размѣрѣ 539 руб. въ годъ.
- 5) При церкви села Квасьева, Елатомскаго уѣзда, съ 4 января, причта положено: священникъ и псаломщикъ; земли 24 десятины; душъ м. п. 502; причтъ получаетъ пособіе отъ казны въ размѣрѣ 400 руб. въ годъ.

Содержаніе. Отдѣлъ **официальный**. I. Епархіальныя распоряженія и извѣстія. II. Отъ Совѣта Тамбовскаго Епархіальнаго женскаго училища. III. Отъ Правленія Шацкаго духовнаго училища. IV. Отъ Правленія Тамб. Духов. семинаріи. V. Списокъ свободн. священно-церковно-служительскихъ мѣстъ.

Редакторъ, секретарь Консист. *А. Андріевскій.*

Цензоръ, Протоіерей *Петръ Успенскій.*

№ 2. | ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ | 1908 г.

СВЯТЫЙ ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЪ.

Рѣчь, сказанная въ торжественномъ собраніи въ память
Іоанна Златоуста 13-го ноября 1907 года.

(Окончаніе).

Въ Антиохіи мятежь!.. Императоръ издалъ указъ о новомъ налогѣ на богатя города Имперіи, въ томъ числѣ и Антиохію. Налогъ вызывался настоятельною необходимостью. Шель девятый годъ царствованія императора Θεодосія и пятый со времени нареченія его сына Аркадія--Августомъ. По случаю десятилѣтняго благополучнаго царствованія императора и пятилѣтія наслѣдника престола всякій воинъ по установившемуся обычаю въ Антиохіи считывалъ получить по пяти червонцевъ. Чтобы избѣгнуть необходимости двухъ разорительныхъ подарковъ войску, Θεодосій рѣшилъ отпраздновать свое десятилѣтіе годомъ раѣе, соединивъ его съ пятилѣтіемъ сына. Казна была пуста. Вѣдныя классы были обременены налогами, измѣнить существующій порядокъ о наградахъ при крайне натянутомъ настроеніи войска не мыслимо, выходъ оставался одинъ—объявить новый налогъ на богатые классы,

Налогъ, хотя, конечно, былъ великъ, но нельзя сказать, чтобы онъ былъ тяжелъ для богатыхъ классовъ. Царь надѣялся на благоразуміе народа и не ожидалъ бѣды. Онъ тѣмъ болѣе былъ покоенъ, что реформы его и весь строй управленія ясно говорили о его заботливости о народѣ и государствѣ; къ тому же и новый налогъ предназначался къ обращенію чрезъ руки военныя къ своему первоисточнику же—государству. Но не такъ выслушалъ манифестъ народъ. Тишина гробовая по окончаніи чтенія манифеста предвѣщала злое, и жены, какъ только замѣтили это, съ визгомъ выкрикнули, хватаясь за волосы: „будетъ мятежъ!“ Подогрѣтая и приведенная въ раздраженіе нѣкоторыми недоброжелателями порядка въ государствѣ чернь заволновалась и бросилась гулять по городу, ища жертвъ для своего безчинства; направилась, между прочимъ, къ общественнымъ банямъ. Всѣ пришли въ страшный испугъ. Одинъ Іоаннъ—пресвитеръ не смутился. Съ пламенною рѣчью обратился онъ къ разъяренной толпѣ, но ни цвѣты краснорѣчія, ни сила прежняго уваженія къ нему со стороны всѣхъ не могли остановить разбушевавшейся стихіи народной. За свою стойкость Іоаннъ едва не сдѣлался жертвою дикой расправы черни. Друзья схватили и силою увлекли его отъ народа. Народъ бушевалъ, отъ общественныхъ бань отправился къ залѣ суда. Въ залѣ суда не было никого, но самое величіе мѣста, гдѣ народу такъ часто приходилось слышать смертные приговоры, производившіеся надъ преступниками, гдѣ стояли бронзовыя и мраморныя статуи царской фамиліи, самого царя, царицы, двухъ дѣтей ихъ, наследника престола Аркадія и брата его Гопорія, и статуя отца императора, на нѣсколько минутъ остановило ихъ. Толпа стояла въ недоумѣніи; вдругъ надъ головами пронесся камень и съ рѣзкимъ отзвукомъ ударился прямо въ высокую статую Θεодосія. Камень брошенъ былъ однимъ мальчикомъ изъ простой ребяческой шалости. Но толпа, глупая всегда, не хотѣла знать того, кто и почему бросилъ камень. Ей достаточно было, что кто-то вывелъ ее изъ окаменѣнія. Громкимъ, дикимъ смѣхомъ отвѣтила она на звукъ падающаго камня и тотчасъ приблизилась къ статуямъ. Началось нѣчто неописуемо мерзкое, дерзкое и изступленное. Принялись разбивать статуи, кто чѣмъ могъ и какъ могъ. Статуи двухъ юныхъ принцевъ, какъ самыя малыя, первыми сбиты были съ своихъ пьедесталовъ и скоро превращены были въ безобразную массу.

Я сбилъ носъ его высочеству Аркадію, хвалился одинъ мятежникъ. А я сорвалъ локоны съ гордаго маденчества Гонорія—хоталъ другой. А я превзошелъ васъ всѣхъ, говорить третій, я досталъ цѣлую руку самаго царя и оставлю ее у себя на память.. Вслѣдъ затѣмъ свалилась статуя царицы (Флакцилы); ни благочестіе, ни чистота, ни кроткое добродушіе покойной императрицы, ни острая еще недавняя скорбь императора по случаю ея потери не въ состояніи были защитить ея изображеніе отъ звѣрскихъ оскорбленій черни... Самое дикое оскорбленіе выпало на долю императорской статуи. Мятежники сорвали съ него бронзовую діадиму и разбили ее вдребезги. Они отбили у статуи руки, выкололи у нея глаза острыми палками и молотами... Конная статуя его отца, правителя, подверглась одинаковой участи. Мятежники били, толкали его и повалили съ крикомъ: „защитай себя, великій всадникъ!“... Вдоволь натѣшившись надъ всѣми пятью статуями, они привязали вокругъ обезображенныхъ остововъ веревки, съ торжествомъ потащили ихъ по красной гранитной мостовой главной улицѣ и по бѣлымъ плитамъ Иродовой колоннады и, наконецъ, уже жалкіе безобразные остатки ихъ бросили у подножья статуи генія—покровителя своего города. У многихъ откуда-то появились зажженные факелы и нѣкоторые начали бросать ихъ въ окна общественныхъ зданій, стараясь произвести пожаръ, отъ котораго богатый городъ могъ бы потерпѣть неисчислимыя бѣдствія. Но кто-то закричалъ: „стрѣльцы, стрѣльцы!“ Показался отрядъ вооруженныхъ солдатъ, быстро двигавшихся къ мѣсту мятежа. Народъ началъ разбѣгаться во всѣхъ направленіяхъ. Большинство не оказало ни малѣйшаго сопротивленія; незначительная часть сознательныхъ главарей мятежа вздумала сопротивляться; имѣвшимися у нихъ въ рукахъ орудіями и оружіями поранили нѣсколькихъ лицъ изъ стрѣльцовъ. Стрѣльцы были разъярены кровью, брызнувшею изъ павшихъ подъ ударами мятежниковъ товарищей, и съ такой силой ринулись на бунтарей, что подъ ихъ мѣткими ударами многіе изъ мятежниковъ замертво упали. Всѣ съ крикомъ предались дикому бѣгству. Черезъ какіе-нибудь полчаса нигдѣ уже не видно было ни одного человѣка. Всѣ поскрылись въ своихъ домахъ, позацирали двери и ставни. Отрядъ стрѣльцовъ двигался по пустымъ улицамъ. Мятежь продолжался не болѣе трехъ часовъ. Къ полудню все уже кончилось и Антиохія, казалось, какъ будто бы вымерла.

Трудно описать ту агонию ужаса, которая охватила несчастных жителей самого веселого города востока, когда они сознали все безумство совершенного ими дѣла. Вѣдь они серьезно не намѣревались производить мятежъ. Они поддались ребяческому чувству раздраженія, подогрѣтому страстными рѣчами вожаковъ.

Они проклинали свое легкомысліе. Но фактъ, оставался фактомъ и законное за мятежъ и ниспроверженіе царскихъ статуй неизбѣжно ждало городъ. Мрачная туча унынія окутала жителей. Улицы были пусты и если кое-гдѣ и показывались нѣсколько человѣкъ, то они торопливо и украдкой пробирались, подобно какимъ-то привидѣніямъ, бросая подозрительные взгляды по сторонамъ. Если на какомъ-нибудь перекресткѣ случайно встрѣчались между собою два-три человѣка, то они останавливались на самое короткое время, чтобы спросить, что новаго или перекинуться двумя-тремя словами о томъ наказаніи, которое ожидало городъ и которое могло стоить ужасной смерти для многихъ отъ рукъ палача. Даже эти торопливые разговоры были рѣдки; въ общемъ преступномъ дѣлѣ замѣшаны были многіе и никто не зналъ, можно-ли довѣрять сосѣду, который могъ оказаться доносчикомъ. Изъ устъ въ уста переходили рассказы объ ужасныхъ видѣніяхъ.

На третій день послѣ мятежа начался производствомъ судъ надъ мятежниками, судъ скорый, хотя, можетъ быть, далеко и не правый. Правитель востока, зная, что ему самому придется отвѣчать за то гнусное оскорбленіе, которое нанесено было императору, порѣшилъ доказать свое негодованіе безпощаднымъ мщеніемъ. Стрѣлцкіе десятники, каждый съ своимъ отрядомъ, не только патрулемъ проходили по улицамъ, но и у различныхъ домовъ то тамъ, то здѣсь останавливались, входили въ дома и оттуда выводили закованныхъ въ цѣпи узниковъ, арестовывали даже мальчиковъ. Зала суда переполнялась обвиняемыми; защитниковъ, адвокатовъ не являлось ни одного.

Народъ страдалъ невыразимо, но всѣ тѣ, на кого они прежде всего, какъ на друзей своихъ, могли рассчитывать теперь, молчали и думали только о себѣ; одинъ Іоаннъ-проповѣдникъ думалъ тяжелую думу о томъ, какъ-бы помочь городу. Съ нѣсколькими единомышленными священниками и преданными пасомыми онъ отправился къ престарѣлому старцу-патріарху и просилъ его ходатайства предъ царемъ о смягченіи наказанія, если не возможно уже совершенное прощеніе. Одновременно съ тѣмъ

онъ послалъ въ горы просить анахоретовъ-подвижниковъ явиться въ городъ и своимъ видомъ и рѣчами облегчить участь страдальцевъ. Рѣчи Иоанна имѣли успѣхъ въ томъ и другомъ случаѣ. Престарѣлый патріархъ Флавіалъ, выслушавъ Иоанна, рѣшилъ самолично ѣхать къ царю, не смотря на то, что отъ Антиохіи до Константинополя было болѣе 1200 верстъ, время было зимнее и крайне неблагопріятное для путешествія не только для людей въ старческомъ возрастѣ, какъ онъ, но и для людей цвѣтущаго здоровья, наконецъ, его единственная сестра старица находилась при смерти. Всѣмъ рѣшилъ старецъ-патріархъ пренебречь ради спасенія своей паствы. Быстро собравшись, безъ оставовокъ, онъ направился въ Константинополь. Дали свое согласіе на приходъ въ городъ и подвижники горъ и пустынь Сиріи. Самъ же Иоаннъ выступилъ предъ народомъ съ рядомъ пламенныхъ рѣчей, дышавшихъ неподдѣльною любовью къ народу и гнѣвомъ противъ бунтарей—вожачковъ, проникнутыхъ искренней грустью къ безысходному горю народному и въ то-же время исполненныхъ непоколебимой вѣрой въ благость Божію, могущую умиротворить самое и крайнее раздраженіе царя, и невыразимое смятеніе народа. Онъ укорялъ, увѣщевалъ, утѣшалъ злослучный народъ и вмѣстѣ съ нимъ заливался горячими слезами. Его чистый, звучный голосъ то гремѣлъ, какъ ураганъ, то спускался до едва слышнаго шопота; въ церкви царила мертвая тишина, изрѣдка прерываемая случайными неудержимыми приступами рыданій среди массы собравшагося народа. „Что мнѣ сказать и о чемъ говорить?—тономъ глубокой скорби началъ онъ свою первую рѣчь по данному поводу.—Теперь время слезъ, а не словъ; рыданій, а не рѣчей; молитвы, а не проповѣди. Такъ тяжко преступленіе, такъ неизлечима рана, такъ велика язва; она выше всякаго врачеванія и требуетъ высшей помощи!—Кто пожелалъ зла намъ, возлюбленнымъ? Кто позавидовалъ намъ? Откуда такая перемѣна? Ничего не было славнѣе нашего города, теперь ничего не стало жалче его. Народъ столь тихій и кроткій и, подобно ручному и скромному кою, всегда покорный рукамъ правителей, теперь вдругъ разсвирѣпѣлъ и натворилъ такихъ бѣдствій, о которыхъ и говорить не прилично. Плачу и рыдаю теперь не о великости угрожающаго наказанія, а о крайнемъ безразсудствѣ сдѣланнаго!“... Доведши слушателей до крайняго напряженія нервъ, углубивъ ихъ чувство отвращенія къ совершенному и обостривъ сознаніе полнѣйшей безпомощности, Иоаннъ съ

своиственными ему только безстрашиемъ и прямою сталъ учить о необходимости глубочайшаго покаянiя и искренняго обращенiя къ Бегу, Который теперь есть единственная надежда, единственный сильный защититель отъ бѣдствiй.

Съ понижшими головами и со слезами на глазахъ народъ вышелъ изъ храма. Передаваемые изъ устъ въ уста различные страхи и опасенiя еще смущали людей, но мужественная неустрашимость оратора озарила блескомъ надежды ихъ омраченныя ужасомъ сердца. Среди слушателей едва ли былъ хоть одинъ такой, кто-бы не радовался, что въ то время, какъ сердца всѣхъ другихъ гражданъ трепетали, какъ осиновый листъ, среди нихъ былъ по крайней мѣрѣ одинъ человекъ, который съ безбоязненною могъ смотрѣть въ лицо бѣдствiю и даже самой смерти и этотъ человекъ былъ ихъ возлюбленнѣйшiй пастырь, Иоаннъ Златоустъ.

На двадцать второй день послѣ мятежа прибыли въ Антиохiю два императорскiе уполномоченные Еллевихъ и Кесарiй съ отрядомъ императорскихъ войскъ. Народъ безмолвными плотными рядами выстроился во всю длину шествiя сановниковъ до городской площади, гдѣ было устроено возвышенiе для чтенiя царскихъ грамотъ. Не слышно было ни рукоплесканiй и ни радостныхъ привѣтствiй, не видно было ни улыбающихся лицъ, ни цвѣтныхъ одеждъ, весь народъ былъ облаченъ въ глубокой трауръ и умоляюще, съ глазами полными слезъ, поднималъ руки къ нимъ.

Привезенный сановниками царскiй приговоръ гласилъ:

1) Антиохiя лишается сего званiя въ качествѣ столицы Сирии и это стличiе предоставляется софдвему городу Лаодикии.

2) Впредь до дальнѣйшаго распоряженiя всѣ бани, цирки, театръ и амфитеатръ и прочiя мѣста увеселенiя въ городѣ закрываются.

3) Пытки, которыя уже производились правителемъ востока, повелѣвалось возобновить и всѣхъ, кто окажется виновнымъ въ соучастiи въ бунтѣ, подвергнуть вримѣрному наказанiю.

4) Императорская хлѣбная дача, распредѣлявшаяся среди бѣдняковъ въ Антиохiю, какъ это было въ Римѣ и въ Константинополь, отселѣ прекращается.

Нѣтъ сомнѣнiя, что приговоръ составленъ былъ въ духѣ милости, можно было ждать, что царь, разгнѣванный черной неблагодарностью и необузданною грубостью народа, прикажетъ уни-

чтожить городъ до основанія и не только уничтожить городъ, но и самое мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, распахать подъ посѣвы.

Народъ выслушалъ приговоръ въ безмолвіи, выражавшемъ полное отчаяніе. Іоаннъ, стоявшій въ народѣ, видѣлъ и хорошо понималъ настроеніе народа, почему поспѣшилъ въ ближайшемъ богослуженіи выступить съ рѣчью, направленною къ поднятію упавшаго духа согражданъ.

На слѣдующій день сановники, прибывшіе изъ Константинополя, должны были направиться въ залу суда, чтобы присутствовать при разбирательствѣ дѣла о виновныхъ въ соучастіи въ мятежѣ; по пути слѣдованія ихъ выстроился народъ въ томъ же тупомъ уныніи, въ какомъ они встрѣчали наканунѣ самый вѣздъ сановниковъ. Но среди этой массы рѣзко вырисовывалась группа людей, поражавшихъ даже своею внѣшностью. То были отшельники, пришедшіе въ городъ изъ горъ. Нѣкоторые изъ нихъ были одѣты въ кожи, другіе въ грубыя овчины; нѣкоторые едва прикрывались лохмотьями, такъ какъ остатки одежды ихъ давно уже превратились въ клочья. По плечамъ у нихъ спускались длинные волосы, не чесанные и не мытые по цѣлымъ годамъ. Лица у нихъ были тошія, мрачныя, движенія странныя и даже повелительныя. Сановники, поравнявшись съ этими странными людьми, пришли въ недоумѣніе; а изъ среды нихъ выступилъ изможденный старецъ, съ грязной и рваной овчиной на плечахъ, извѣстный Македоній-ачменодъ (питавшійся одними зернами ячменя) и сталъ просить, чтобы сановники прекратили на время производство суда надъ виновными въ мятежѣ и отвезли ихъ ходатайственную грамоту къ самому царю, грамоту, написанную имъ, Македоніемъ, подписанную всѣми отшельниками, знавшими грамотѣ и утвержденную своеобразными значками безграмотныхъ. О себѣ же они заявляли, что они готовы положить жизнь свою за этотъ городъ, что они не оставятъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ прощенъ.

Рѣчь монаховъ-отшельниковъ тронула сановниковъ и они, сдѣлавъ распоряженіе о временномъ прекращеніи суда, рѣшили подѣлиться: одному остаться въ Антиохіи, а другому съ возможною быстротою отправиться въ Константинополь. Участь Антиохіи, такимъ образомъ, снова была облегчена и при томъ тѣми, на помощь которыхъ люди шумнаго, разгульнаго города менѣе всего могли рассчитывать, въ любви которыхъ къ человѣчеству

болѣ всего сомнѣвались. Ливаній и всѣ прочіе, много говорившіе о своей любви къ народу, молчали и робко таились въ своихъ жилищахъ отъ людей, а монахи, міромъ презираемые, съ опасностью для жизни своей за презирающихъ ходатайствуютъ предъ царедворцами, просятъ и судомъ Божиимъ имъ угрожаютъ.

Въ то самое время, какъ Златоустъ и монахи-отшельники ходатайствовали за народъ предъ сановниками, прибывшими въ Антиохію, патріархъ-старецъ ходатайствовалъ о томъ же предъ самимъ царемъ. Царь принялъ патріарха въ парадной залѣ своей, сидя на тронѣ и въ царственныхъ регаліяхъ.

Патріархъ сталъ въ самомъ отдаленномъ мѣстѣ отъ трона и залился горькими безутѣшными слезами. Отъ напора чувствъ, хлынувшихъ на него при одномъ сопоставленіи видимаго имъ величія царя съ тѣмъ безчиннымъ глумленіемъ надъ его царственной статуей, которое допустилъ народъ въ Антиохіи, онъ не могъ выговорить ни слова, не могъ приблизиться къ трону. Царь, добрый по природѣ, христіанинъ по убѣжденіямъ, тронуть былъ видомъ безутѣшно плачущаго старца и самъ первый оставилъ тронъ, подошелъ къ нему и уже не тономъ судьи, но тономъ друга сталъ спрашивать его о причинѣ слезъ. Патріархъ молчалъ и рыдалъ.... только, когда первый приступъ душевной туги прошелъ, онъ вымолвилъ: „Царь, пощади народъ“! Императоръ обратилъ вниманіе патріарха на тѣ послѣдствія, которыя могутъ произойти изъ попустительства подобнаго рода безобразіямъ. Патріархъ не отрицалъ того, что Императоръ имѣлъ право наказывать народъ болѣе сильно, чѣмъ онъ наказалъ, что онъ, равнымъ образомъ, долженъ прозрѣвать и въ отдаленныя послѣдствія тѣхъ и другихъ событій, но вмѣстѣ съ тѣмъ молилъ пощадить городъ, показать народу, что голосъ христіанства онъ ставитъ выше соображеній политиковъ. Царь, ты христіанинъ, ради торжества нашего вѣроисповѣданія яви милость свою къ безмѣрно-оскорбившему тебя народу, пощади его и прости!... Я не возвращусь къ своей паствѣ, если ты не простишь народъ!... Растроганный царь уступилъ просьбѣ патріарха и даровавъ всецѣлое прощеніе народу Антиохіи. Въ Антиохію посланъ былъ гонецъ съ радостной вѣстью отъ царя, а патріархъ, нѣкоторое время отдохнувъ отъ далекаго переезда и пережитаго во дворцѣ волненія, направился къ ожидавшей его паствѣ безъ особой торопливости; уступая въ данномъ случаѣ просьбѣ окружающихъ его и старческой немощи

ности. — Вѣсть о помилованіи оживила городъ, возвратила ему веселость и дѣятельность. Всѣ смотрѣли теперь на Іоанна, какъ своего Ангела хранителя, пламенемъ огня подвигшаго старца патріарха на рискованное для его здоровья дальнее путешествіе и привлекшаго изъ горъ монаховъ отшельниковъ. Приближавшіеся праздники Пасхи были для всѣхъ подлинно-праздникомъ воскресенія и торжествомъ единенія пастыря съ пасомыми: паства съ сыновней благодарностью и признательностью встрѣчала возвращавшаго старца — патріарха. Въ этотъ годъ Іоаннъ произнесъ то свое замѣчательное слово на Пасху, которое читается ежегодно на пасхальной утрени и черезъ 1500 лѣтъ способно захватить всего человѣка, оторвать его отъ жизненной мелочности и унести на крыльяхъ вдохновенія въ безпредѣльную высь къ самому Престолу Бога..

Имя Іоанна было извѣстно всѣмъ и каждому въ Антиохіи и не только въ Антиохіи, но и далеко за предѣлами ея. Широкая извѣстность Іоанна была причиной того, что въ 397 году онъ императоромъ Аркадіемъ былъ избранъ въ патріархи Константинопольскіе на мѣсто умершаго Нектарія. Его кандидатуру особенно поддерживалъ вліятельный при дворѣ царя савонникъ, Евтропій, въ бытность свою въ Антиохіи случайно слышавшій рѣчь его и пораженный ею до глубины своего сердца. — Но, восхваляя предъ императоромъ краснорѣчіе Іоанна и необычайное богатство его духовныхъ дарованій, Евтропій не приминулъ замѣтить Царю, что проповѣдникъ Антиохійскій Іоаннъ — человѣкъ крайне скромный, чуждый честолюбія и при томъ горячо любимый народомъ, почему при возведеніи его на патріаршій престолъ необходимо прибѣгнуть къ хитрости. Онъ выработалъ и самый планъ похищенія Іоанна изъ Антиохіи и возведенія его на патріаршій тронъ. Довѣренный отъ царя человѣкъ явился въ Антиохію къ Іоанну и, не сообщая ему о истинной цѣли своего прихода, пригласилъ его вмѣстѣ съ собою въ загородную часовню. Довѣрчивый Іоаннъ согласился. Едва только они оказались за городомъ, какъ здѣсь глазамъ ихъ представился царскій экипажъ, въпряженный быстрыми конями для того, чтобы увезти Іоанна. О сопротивленіи не могло быть и рѣчи. Іоанна посадили въ колесницу и съ возможной быстротой повезли по направленію къ столицѣ Имперіи. Іоаннъ, однако, ничего не зная ни о цѣли своего путешествія, ни о мѣстѣ его. Черезъ Босфоръ перевезли его на царскомъ же суднѣ и прямо доставили въ патріаршій покои. Тутъ

только Іоаннъ началъ догадываться о цѣли похищенія его у Антиохійскаго народа. Свиданіе съ Евтропіемъ и затѣмъ съ Царемъ въ тотъ же день подтвердило его предположенія и онъ долженъ былъ готовиться къ поставленію въ патріархи. „Готовъ, проговорилъ Іоаннъ въ отвѣтъ на заключительныя слова Евтропія, къ которому онъ представленъ былъ прежде царя, готовъ! Ахъ, если-бы все это было иначе! Но да будетъ воля Божія“! „Я благодарю твою милость, промолвилъ Іоаннъ, когда представленъ былъ царю; хотя, если бы меня спросили о томъ, я радъ бы былъ остаться въ моей прежней безвизвѣстности“.

Антиохійскій пастырь Іоаннъ — патріархъ Константинопольскій, обладатель великихъ богатствъ и почестей. Но почести, санъ, богатства для Іоанна были ничто, почестей онъ боялся, сана страшился, богатства гнушался. Оказавшись одинъ въ большомъ городѣ патріаршей кафедрой онъ чувствовалъ себя крайне угнетеннымъ, безпомощнымъ среди новыхъ ему лицъ и обязанностей; самый дворецъ патріаршій казался ему давящимъ своей величиной и онъ избралъ для жилья своего самыя скромныя и маленькія комнаты, могущія напоминать ему скромныя комнаты его домика въ Антиохіи. Самъ Іоаннъ говоритъ, что избраніе его на патріаршество было самымъ большимъ несчастіемъ въ его жизни. Когда патріархомъ вошелъ онъ въ свои жилья комнаты, то не могъ сдержатъ рыданій и спросить самого себя, зачѣмъ его оторвали отъ его прежняго мѣста жительства, отъ старыхъ связей, отъ дома его дѣтства, отъ счастливаго прошлаго; зачѣмъ возложили на его старческія плечи тѣ тяжкія бремена епископства, которыхъ онъ болѣе всего боялся и подъятія которыхъ всѣми мѣрами старался избѣгать; зачѣмъ его плачущаго возвели на патріаршій тронъ, когда очень многіе ликовали бы отъ радости, видя себя на его мѣстѣ; зачѣмъ его поставили въ главѣ города нечестиваго дѣйствовать, безъ друзей, безъ сподвижниковъ? Отвѣта дать на всѣ эти вопросы онъ, конечно, не могъ и выхода изъ своего тяжелаго положенія не нашель, какъ обратиться къ Христу Богу съ молитвой о помощи, о вразумленіи и наученіи....

Въ дѣятельности своей на патріаршей кафедрѣ Іоаннъ является предъ нами тѣмъ же, чѣмъ видѣли его мы въ Антиохіи: подвижникомъ, аскетомъ — молитвенникомъ въ своей личной жизни, сердечнымъ, участливымъ отцомъ и щедрымъ благотворителемъ въ отношеніяхъ ко всѣмъ нуждающимся въ его помощи, грознымъ обличителемъ

порока и преступленія, гдѣ бы и когда его не увидѣлъ. Какъ тамъ въ Антиохіи вся жизнь города находила себѣ отраженіе и подобающее освѣщеніе въ рѣчи Іоанна, такъ точно теперь въ его рѣчахъ находила себѣ оцѣнку жизнь Константинополя. Но то, что могли прощать Іоанну въ его рѣчахъ Антиохійцы, знавшіе его съ дѣтства и видѣвшіе его неоднократно самыя отеческія вмѣшательства въ жизнь горожанъ, то не только не хотѣли понять жители Константинополя, напротивъ старались перетолковать въ худую сторону. Правда простой народъ въ свей массѣ и въ Константинополѣ скоро полюбилъ Іоанна, но все прочіе классы общества были крайне недовольны и волны этого недовольства поднимались на Іоанна положительно со всѣхъ сторонъ. И власть государственная, во главѣ съ императрицей, и духовенство во главѣ съ епископами, и богатые граждане, и, наконецъ, праздношатающіеся бездѣльники, придавшіе всегда собою какъ бы нѣкоторую окраску жизни города, — все имѣли свои особыя основанія для недоброжелательства къ Іоанну и даже для положительнаго желанія и изгнанничества патріарха изъ Константинополя. Весь воздухъ былъ проникнутъ какой то особой глѣтворной гнилью, силащеюся убить живую душу патріарха. — Іоаннъ чувствовалъ это, но пока до времени таилъ и свои думы, и свои чувства. При страшной внутренней бурѣ онъ хранилъ видимый вѣншній миръ. Когда ему вручили грамоту царя объ изгнанничествѣ, онъ спокойно ее принялъ и также спокойно удалился изъ города. Спокойствіе патріарха, страшное землетрясеніе, бывшее въ Константинополѣ вскорѣ по уходѣ его изъ города, наконецъ, страхъ отвѣтственности за преступленіе заставило всѣхъ, власть и значеніе въ городѣ имѣющихъ, хлопотать о возвращеніи изгнанника. Іоаннъ, полный сознаниемъ своей невинности и готовности рабствовать на пользу вѣрнной ему Богомъ паствы, вернулся въ городъ, но характеръ дѣятельности своей не измѣнилъ. Вскорѣ онъ убѣдился, что злоба, коварство и проски противъ него, влоковавшіе въ городъ до его изгнанничества, отнюдь не улеглись и при малѣйшемъ поводѣ готовы съ большею силою ринуться на него, съ тѣмъ, чтобы совершенно погубить его. Сдерживать наплыва чувствъ и мыслей, тѣснившихся въ душѣ его, Іоаннъ не могъ; въ одно изъ богослуженій своихъ, онъ взомелъ на кафедру и произнесъ свою прощальную рѣчь къ паствѣ, въ которой вырисовалъ тяжесть своего положенія и преподалъ отеческія наставленія вѣрнымъ. Рѣчь эта настолько характерна для Іоанна Златоуста, что я пропущу позволенія привести ее здѣсь буквально.

„Сильныя волны, жестокая буря! Но я не боюсь потопленія, ибо стою на камнѣ. Пусть свирѣпствуетъ море: оно не можетъ свергнуть камня! Пусть поднимаются волны: онѣ не могутъ поглотить корабля Иисуса!

Скажите, чего бояться мнѣ? Уже ли смерти? *Мнѣ еже жити Христосъ, а еже умрети, приобретение* (Филипп. 1, 21) Уже ли ссылки? *Господня земля и исполненіе ея* (Псал. 23, 1). Уже ли описи имѣнія? *Ничтоже внесохоумъ въ міръ сей, лѣтъ, яко ниже изнести что можемо* (1 Тим. 6, 7).

Я презираю устрашеніе міра сего и посмѣваюсь надъ его благами. Я не боюсь нищеты, не желаю богатства; не боюсь смерти и не желаю жизни, развѣ только для вашего успѣха. Я для того говорю о настоящихъ моихъ обстоятельствахъ и для того вопрошаю васъ, возлюбленные, чтобы васъ успокоить.

Никто не можетъ раздѣлить насъ! Что Богъ совокупилъ, того человекъ раздѣлить не можетъ. Если о мужѣ и жепѣ сказано: *еже Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ* (Мате. 19, 6), ежели брака нельзя расторгнуть, то кольми паче нельзя разрушить церковь Божию. Ничего нѣтъ сильнѣе церкви! Сколь многіе тираны покушались разрушить церковь. Сколько употребили они сковородъ? сколько печей? сколько зубовъ звѣринныхъ? сколько острыхъ мечей? Но нимаго не успѣли. Гдѣ враги оныя? Никто не говоритъ объ нихъ: всѣ они забыты. Гдѣ церковь? Она сіяетъ свѣтлѣе солнца. Если христіане остались не побѣдимы и тогда, когда ихъ было не много, то можно ли побѣдить ихъ нынѣ, когда вся вселенная исполнена благочестіемъ?

Не тревожьтесь настоящимъ событіемъ. Окажите мнѣ въ одномъ любовь вашу, въ непоколебимой вѣрѣ. Я имѣю залогъ Господа, и не полагаюсь на мои силы. Я имѣю Его писаніе. Оно мнѣ опора, оно мнѣ крѣпость, оно мнѣ спокойная пристань. Пусть вся земля придетъ въ смятеніе! У меня есть письмеце; его читаю я: слова въ немъ для меня стѣна и ограда. Какія слова! *Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Мате. 28, 20). Христосъ со мною, кого мнѣ бояться? Пусть поднимаются на меня волны, пусть море, пусть неистовство сильныхъ! Сіе для меня слабѣ паутины. И если бы не вы останавливали меня своею любовію, то я нынѣ же удалился бы отсюда.

Я всегда молюсь: да будетъ воля Твоя, Господи! Не какъ хочетъ тотъ или другой, но какъ Ты хочешь. Вотъ моя крѣпость, вотъ мой камень неподвижный, вотъ моя трость неколеблемая.

Если Богу угодно то, да будетъ! Если Ему угодно оставить меня здѣсь, благодарю Его. Я буду благодарить Его, гдѣ Онъ ни захочетъ меня поставить.

Ни отъ чего не приходите въ смущеніе. Старайтесь быть въ молитвѣ. Это сдѣлалъ діаволь, чтобъ погасить расположеніе къ молитвѣ. Но онъ не успѣлъ нисколько. Я вижу васъ болѣе ревностными и усердными. Завтра я выйду съ вами для молитвы. Гдѣ я, тамъ и вы, а гдѣ вы, тамъ и я. Мы одно тѣло. А тѣло отъ головы, какъ и голова отъ тѣла, не отдѣляются.

Мы раздѣляемся мѣстомъ, но любовію соединены; даже смерть не можетъ разлучить насъ. Хотя умереть мое тѣло, но душа будетъ жива и станетъ воспоминать о семь народѣ. Вы мнѣ отцы, какъ могу я забыть Васъ? Вы мнѣ родные мои, вы моя жизнь, вы моя слава. Если вы преуспѣваете—это слава мнѣ, и жизнь моя, какъ богатство, лежитъ въ сокровищницѣ вашей. Я готовъ тысячекратно положить за васъ душу свою и не стою никакой благодарности, потому что исполняю долгъ. *Добрый пастырь душу свою полагаетъ за овцы своя* (Іоан. 10, 11). Пусть тысячекратно меня удавятъ, тысячекратно отсѣкутъ мнѣ голову! Смерть сія поведетъ меня къ безсмертію.

Все претерпѣваю я за любовь мою къ вамъ; ибо я все предпринимаю, чтобъ вамъ доставить безопасность, чтобъ никто чужой не вошелъ въ стадо мое, и оно сохранилось непорочнымъ. Сей подвигъ мой доставитъ мнѣ вѣнецъ. И чего я не потерплю для васъ? Вы мнѣ сограждане, вы мнѣ отцы, вы мнѣ братія, вы дѣти мои, вы члены мои, вы тѣло мое, вы свѣтъ мой, и лучше свѣта! Вы всегда доставляли мнѣ то, чего желалъ я. Вы презирали временное, отказывались отъ земного, возвышались къ нему, отрѣшались отъ узъ тѣлесныхъ и старались о блаженномъ исполненіи ученія Господа.

Впрочемъ, можетъ быть, Богъ попускаетъ мнѣ терпѣть злоумышляемое на меня для того, чтобъ испытать меня несчастіями; потому что побѣда, конечно, отъ трудовъ зависитъ, и вѣнецъ готовится за подвиги. Ибо и Вжественный Павелъ сказалъ: *теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ: прочее соблюдается мнѣ вѣнецъ правды* (2 Тим. 4, 7).

Вѣчный Господь всѣхъ да удостоитъ и васъ вѣнцовъ тѣхъ!
Аминь“.

Печальныя событія, которыя предчувствовала душа Іоанна и о которыхъ онъ говорилъ въ своей прощальной бесѣдѣ, не заставили себя долго ждать. Четыре епископа, лично недовольные Іоанномъ, поддерживали обличеніе его предъ царемъ, достигли подписи царемъ бумаги объ изгнаніи его изъ Константинополя и отвѣтственность за правильность его наказанія брали на себя. Іоаннъ, когда вручили ему царскую грамоту о вторичномъ изгнаніи, во избѣжаніе народнаго волненія тайно ушелъ изъ города и отдался въ руки власти. Мѣстомъ ссылки его назначили захолустное мѣстечко въ имперіи, городокъ Кукузы. Святая личность изгнанника скоро привлекла къ себѣ симпатію благочестивыхъ жителей города Кукузы и они по мѣрѣ собственнаго матеріальнаго достатка и умѣнія старались облегчить тягость его изгнанія, кто чѣмъ могъ. Оправившись послѣ мучительнаго въ его старческомъ возрастѣ и при общей болѣзненности организма переѣзда и, затѣмъ, освоившись съ климатомъ, Іоаннъ начиналъ себя чувствовать довольно хорошо. Его одиночество въ далекомъ изгнаніи стало терять свою остроту: многіе изъ его прежнихъ друзей, а равно и изъ лицъ, узнавшихъ о его невинномъ изгнанничествѣ, стали писать ему письма; единеніе душъ возстановлялось. Враги Іоанна однако бдительно наблюдали за своею жертвою и какъ только замѣтили, что не только письма въ большомъ количествѣ направлялись въ Кукузы, но многіе изъ Константинополя и Антиохіи стали предпринимать паломничество туда съ цѣлю свиданія съ изгнанникомъ — патриархомъ, съ негодованіемъ доложили царю, что вся Имперія теперь въ Кукузахъ и во избѣжаніе нежелательныхъ (?) осложненийъ въ жизни народной необходимо перемѣнить мѣсто изгнанничества и отправить его въ такую трущобу, куда бы не могли достигать не только пилигримы, но и письма. Рѣшено было сослать Іоанна въ городъ Пафіумъ на берегу Чернаго моря. Конвоировать его до мѣста ссылки; поручено было наиболѣе черствымъ воинамъ, при чемъ данъ имъ былъ наказъ, чтобы они влекли Іоанна самими глухими дорогами и съ возможною скоростью. Обѣщана была награда тѣмъ большая, чѣмъ скорѣе они доставятъ Іоанна къ мѣсту новой ссылки; довольно прозрачно было будто бы намекнуто на то, что если Іоаннъ не дойдетъ до новаго мѣста ссылки, то награда ихъ не только не будетъ уменьшена, но даже увеличена. Что долженъ былъ переживать Іоаннъ во время своего

изгнаничества вообще и во время переѣзда изъ Кукузь въ Пафіумъ (Пиѳунтъ), говорить излише—все это было время крайняго страданія и уничтоженія патріарха-изгнанника. Самъ Іоаннъ мало говорить о своихъ злостраданіяхъ, о своемъ переѣздѣ изъ Кукузь въ Пафіумъ; онъ замѣтилъ только вскользь, что жизнь каторжниковъ-колодниковъ была несравненно лучше его: тѣхъ по крайней мѣрѣ болѣзнь освобождала отъ работъ, говоритъ онъ, меня влекутъ къ мѣсту новаго изгнанія, не взирая ни на что. Расшатанное здоровье Іоанна, при безчеловѣчности отношеній къ нему конвоя, ухудшалось съ каждымъ днемъ; жизнь старца, видимо, угасала. Когда изгнаникъ достигъ мѣстечка Каманъ, Іоаннъ Златоустъ настолько плохо себя чувствовалъ, что идти дальше было безуміемъ. Конвой однако двинулся далѣе и достигъ деревни при часовнѣ Святого Василиска. Здѣсь путники остановились почевать. Сельскій священникъ счелъ глубочайшимъ долгомъ своего сердца сдѣлать все, что было возможно, для великаго Святителя, который находился недалеко отъ смерти. Онъ предоставилъ ему свою собственную постель и окружилъ его всѣми удобствами, какія только были ему доступны. Послѣдній разъ на землѣ имѣлъ Іоаннъ освѣжающій сонъ, и во время сна ему явился замученный епископъ Святой Василискъ съ пальмовою вѣтвью въ рукахъ и сказалъ: „мужайся братъ Іоаннъ, завтра мы будемъ вмѣстѣ“. Священнику также въ эту ночь явился Святой Василискъ и сказалъ ему: „приготовь мѣсто для нашего брата Іоанна, потому что онъ готовъ присоединиться ко мнѣ“. Напрасно на утро священникъ просилъ воиновъ погодить уходомъ до полудня. Согласія не было дано. Полуживого Іоанна посадили на животное и повлекли въ дальнѣйшій путь. Но уйти далеко они не могли. Іоаннъ видимо умиралъ. Уступая суровой необходимости, воины должны были возвратиться опять къ часовнѣ Василиска. Увидѣвъ себя снова въ домѣ священника, Іоаннъ подозвалъ къ себѣ священника и попросилъ его принести бѣлую священническую одежду, чтобы она напоминала ему о томъ одѣяніи, которое онъ носилъ при крещеніи. Снявши свои собственныя одежды и облачившись въ бѣлыя священническія одежды бѣдой заброшенной въ глуши часовни Св. Василиска, Іоаннъ попросилъ внести его въ алтарь церкви и тамъ приобщить Св. Таянъ. Соединившись въ таинствѣ Евхаристіи со Христомъ и видя крестъ Христовъ далеко отнесеннымъ отъ Голгофы на своихъ страдальческихъ плечахъ, Іоаннъ въ сердечномъ умиленіи предъ Творцомъ

сомкнулъ свои уста. Последними словами, произнесенными его устами, были: „*Слава Богу за все*“. *Аминь*. Скончался великій страдалецъ Христовъ!... Сомкнулись навсегда златовѣщательныя его уста. Не стало человѣка, любившаго міръ и погибшаго отъ наглости, злобы и клеветы сыновъ разврата! Угасъ свѣтильникъ и густая тѣма окутала Константинопольскую церковь, торжествуя какъ бы свою побѣду надъ свѣтомъ. Но бессильна была тѣма похоронить свѣтъ навсегда, бессильна была земля удержать въ нѣдрахъ своихъ тѣло друга Христова, прошедшаго безпорочно весь путь своего учителя отъ дѣтскаго одиночества при содружествѣ матери до позорной смерти отверженца людей!....

Черезъ тридцать лѣтъ послѣ кончины Іоанна Златоуста Прокль, патріархъ Константинопольскій, въ праздникъ, посвященный памяти Златоуста, произнесъ ему похвальное слово предъ народомъ въ большомъ соборѣ и вдругъ былъ прерванъ не только громкими кликами одобренія со стороны собравшагося народа, но и криками: „Возврати намъ тѣло нашего отца Іоанна!“

Объ этомъ желаніи своей паствы Прокль довелъ до свѣдѣнія императора, и Θεодосій II, который самъ съ величайшимъ удовольствіемъ читалъ творенія великаго святителя и обыкновенно называлъ его „учителемъ вселенной и золотыми устами“, немедленно удовлетворилъ эту просьбу. Въ теченіе тридцати лѣтъ тѣло мученика-святителя лежало въ скромной гробницѣ въ церкви Св. Василиска. Θεодосій приказалъ теперь перенести его въ столицу; во всѣхъ городахъ, чрезъ которые проносимъ былъ гробъ, останки Святителя встрѣчаемы были съ восторженнымъ благоговѣніемъ, какъ со стороны духовенства, такъ и народа. Въ Халкидонѣ онъ отправилъ для встрѣчи мощей императорскаго трибуна, да и самъ ожидалъ ихъ прибытія вмѣстѣ съ сенаторами, великими сановниками и военачальниками. Граждане мірадами высыпали встрѣчать смертные останки святого подвижника, который съ позоромъ и муками былъ изгнанъ отъ нихъ. Когда гробъ внесли въ церковь Святыхъ Апостоловъ и поставили на полъ, императоръ Θεодосій сталъ предъ нимъ на колѣна вмѣстѣ съ своей прекрасной сестрой Пульхеріей; снявъ съ себя пурпурную мантию, онъ возложилъ ее на мощи святителя и, потупивъ взоры и склонившись челомъ къ краю гроба, громко молился за своего отца и мать, умолая о прощеніи имъ тѣхъ страшныхъ грѣховъ невѣдѣнія, которые они совершили противъ святого слу-

жителя Вожія. Прежде чѣмъ окончательно закрыть мощи въ золотой приготовленной для нихъ ракъ, Прокль возложилъ ихъ на патриаршій тронъ, и подъ золоченой кровлей раздался громкій и много разъ повторявшійся возгласъ: „прими опять престолъ твой, отче“.

Кончена грустная повѣсть о жизни праведника, проповѣдника любви Христовой, борца за нее и..., сердце щемить, мысль беспомощно молчитъ, кровь въ виски стучитъ, грудь на части рвется и хочется брату-страдальцу за правду въ утѣху сказать:

Другъ мой, братъ мой, усталый, страдающій братъ,
Кто-бъ ты ни былъ, не падай душой:

Пусть неправда и зло полновластно царятъ

Надъ омытой слезами землей,

Пусть разбить и поруганъ святой идеаль

И струится невинная кровь:

Вѣрь, настанетъ пора—и погибнетъ Вааль,

И вернется на землю любовь.

Не въ терновомъ вѣнцѣ, не подъ гнетомъ цѣпей,

Не съ крестомъ на согбенныхъ плечахъ,—

Въ міръ придетъ она въ силѣ и славѣ своей,

Съ яркимъ свѣточемъ счастья въ рукахъ.

И не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,

Ни безкrestныхъ могилъ, ни рабовъ,

Ни нужды, безпросвѣтной, мертвящей нужды,

Ни меча, ни позорныхъ столбовъ.

О, мой другъ. Не мечта этотъ свѣтлый приходъ,

Не пустая надежда одна:

Оглянись,—зло вокругъ черезчуръ ужъ гнететъ,

Ночь вокругъ черезчуръ ужъ темна.

Міръ устанетъ отъ мукъ, захлебнется въ крови,

Утомится безумной борьбой,—

И подниметъ къ любви, къ беззавѣтной любви,

Очи, полныя скорбною мольбой....

Надсонъ.

Преподаватель Семинаріи *Александръ Нечасъ.*

Противосектантскіе курсы въ с. Липягахъ, Борисоглѣбскаго уѣзда, Тамбовской губерніи.

Въ Тамбовской епархіи, съ архипастырскаго благословенія Преосвященнаго Иннокентія, съ 1905 года устраиваются миссіонерскіе противосектантскіе курсы. Владыка Иннокентій, какъ самъ дѣятель миссіи противосектантской, и умомъ ясно представляетъ, и сердцемъ чутко понимаетъ великое значеніе, въ особенности въ настоящее время, дѣла образованія начетчиковъ изъ народа, для защиты православія отъ нападокъ сектантскихъ начетчиковъ. Вотъ почему за время управленія Тамбовской Епархіею Преосвященный Иннокентій разрѣшаетъ съ 1905 г. *ежегодно* устройство миссіонерскихъ противосектантскихъ курсовъ. — За послѣднее время особенной заботой Владыки была необходимость устройства таковыхъ курсовъ въ с. Липягахъ, Борисоглѣбскаго уѣзда. Дѣйствительно, это село — центральное по количеству живущихъ въ немъ баптистовъ. Оно таковое-же и по ихъ усиліямъ къ пропаторской дѣятельности. Липяговскіе баптисты за послѣднее время начали пропаганду по сосѣднимъ селамъ. Такъ, они имѣютъ своихъ adeptовъ въ с.с. — Алешки, Александровкѣ, Григорьевкѣ, на станціи-Волконская. Поползновенія Липяговскихъ баптистовъ распространяются и на другія села, напр., Большую и Малую Грибановку, Алабухи. Этими стремленіямъ ихъ помогаютъ баптисты изъ с. Пески, Воронежской губ. Они переселяются въ смежныя села. Такъ, сектантъ Хмыровъ пріютился на ст. Волконская. Есть „вѣрный слухъ“, что онъ началъ свою пропаганду среди станціонныхъ жителей. Если принять во вниманіе, что Хмыровъ имѣетъ на станціи паровую мельницу, а главное — удобство, вслѣдствіе этого, сѣять сѣмена баптистскаго „лжеименнаго знанія, далѣе — отсутствіе церковныхъ службъ на станціи, — то ясно станетъ возможность успѣха въ пропагандѣ Хмыровымъ своего лжеученія. — Въ с. Александровку также пріѣхалъ баптистъ изъ с. Песковъ. И онъ, по словамъ жителей села, начинаетъ „бесѣдовать“ о вѣрѣ.

Еще въ 1897 г. миссіонеръ Д. И. Боголюбовъ писалъ, — характеризуя сектантство с. Липяговъ, баптизмъ въ частности, — такъ: „Грустная дѣла! Баптизмъ не утихаетъ. Онъ перемѣнилъ лишь тактику. Открытую и дерзкую пропаганду онъ не ведетъ; зато втихомолку расплозается по всему селу“. И въ настоящее время главари баптистовъ не прочь употреблять разныя насиль-

ственные средства для своей пропаганды. Такъ, о пресвитерѣ Липяговскихъ баптистовъ (находящемся теперь „на замѣчаніи“ у своихъ единовѣрцевъ за многія художества, компрометирующія его, какъ человѣка вообще)—Михаилъ Петровъ извѣстно, что онъ однажды остановилъ, взявшись за поводъ лошади, православную женщину, ѣхавшую къ литургіи причаститься. Онъ же, „яко тать въ нощи“, цѣлую недѣлю ходилъ въ дер. Коршуновку (прихода с. Липяговъ) смущать въ семьяхъ православныхъ женъ къ переходу въ баптизмъ. Это онъ продѣлывалъ цѣлую недѣлю. Приходилъ вечеромъ, а уходилъ на разсвѣтъ.—Про современное положеніе Липяговскаго баптизма надо сказать, что онъ имѣетъ *свой* молитвенный домъ, построенный въ 1906 г., но безъ всякаго разрѣшенія гражданской власти Тамбовской губерніи.—Къ устной „втихомолку“ и „яко тать въ нощи“ пропагандѣ баптисты присоединили, съ провозглашеніемъ свободы, пропаганду печатнымъ словомъ. Въ Липягахъ теперь вы встрѣтите все, что есть печатнаго для распространенія баптизма въ Россіи. Баптисты выписываютъ журналъ „Христіанинъ“, издающійся въ Петербургѣ „свободовѣрцемъ“ И. С. Прохановымъ, со всѣми его приложеніями. У нихъ есть ежемѣсячный христіанскій журналъ „Радостная вѣсть“, издающаяся Патваканомъ Тараянцомъ въ г. Баку, и тоже съ приложеніями. Встрѣчается и недавно вышедшій журналъ „Баптистъ“, органъ русскихъ баптистовъ, издающійся въ Ростовѣ на Дону, подъ отвѣтственностью редактора-издателя, извѣстнаго пропагандиста въ Россіи баптизма Д. И. Мазаева.—Въ концѣ 1906 г. одинъ изъ баптистовъ Липяговскихъ, по фамиліи Сигитовъ, былъ на курсахъ баптистскихъ въ Петербургѣ.

Изъ сказаннаго видно, что представляетъ изъ себя село Липяги, Борисоглѣб. у.—Это—очагъ пропаганды баптизма, поддерживаемый сосѣдами баптистами—изъ Балашова и изъ с. Песковъ, Воронежской губерніи. Вотъ на какое село было обращено вниманіе Пресвященнаго Иннокентія. И—совершенно справедливо. Если какое село, то именно это нуждалось въ миссіонерскихъ курсахъ. Приходскіе священники въ апрѣлѣ 1907 г. писали въ совѣтъ Миссіонерскаго Братства о необходимости открытія курсовъ въ с. Липягахъ. Одинъ изъ нихъ, свящ. А. Гроздовъ, прежде думалъ о курсахъ иначе, что и выразилъ на сентябрьскомъ съѣздѣ духовенства. Когда же онъ увидѣлъ у себя въ селѣ трехъ курсистовъ Паново-Кустовскихъ, то измѣнилъ свой взглядъ на значеніе курсовъ. Вотъ почему самъ-же писалъ въ Братство о томъ,

какую пользу приносятъ три крестьянина-курсиста. Миссіонерскіе курсы, бывшіе въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1906 г., дали намъ усердныхъ работниковъ съ удовлетворительнымъ знаніемъ миссіонерскаго дѣла, умѣніемъ вести полемическія бѣсѣды, — разумѣемъ прихожанъ села Липяговъ, крестьянъ — Андрея Попова, Григорія Селезнева и Тихона Попова.... Слушателей курсовъ изъ с. Липяговъ было только трое. Но ревнителей православія, которые съ удовольствіемъ прослушали бы курсы полемики съ сектантствомъ, если бы эти курсы были открыты въ селѣ Липягахъ, — здѣсь найдется много. — Изъ дальнѣйшаго увидимъ, какъ справедливы были слова свящ. Гроздова въ этомъ отношеніи.

По благословенію Преосвященнаго Иннокентія, епархіальный миссіонеръ М. Третьяковъ открылъ миссіонерскіе противосектантскіе курсы въ с. Липягахъ 1-го декабря. Наплывъ слушателей превзошелъ ожиданія. Въместо 30—35 человекъ явилось болѣе 50. Главный контингентъ ихъ — жители прихода с. Липяговъ, въ особенности самого села. Всего изъ села было слушателей 35 человекъ, въ томъ числѣ — два псаломщика, одинъ діаконъ и супруга священника — Екатерина Николаевна Неушылова, живая и энергичная женщина, весьма интересующаяся изученіемъ противосектантской полемики. Она почти ни одного урока не пропускала. Приходила и на утреннія, и на вечернія занятія. Всегда съ новымъ завѣтомъ въ рукахъ и карандашемъ для отиѣтокъ. — Изъ дер. Коршуновки было 3 слушателя. Изъ села Алешковъ — 10 человекъ, въ томъ числѣ одинъ псаломщикъ; изъ села Александровки — 3 человека. Помимо этого на курсы явились крестьяне изъ Тамбовскаго уѣзда, селъ — Бондарей (2), Ерофеевки (1), Пановыхъ Кустовъ (1) — псаломщикъ; изъ Борисоглѣбскаго у. села Чикареви (1). — Какъ на особенность Липяговскихъ курсовъ, необходимо указать на присутствіе, въ качествѣ слушателей, трехъ лицъ женскаго персонала (двѣ крестьянки и третья — супруга мѣстнаго священника). Это обстоятельство какъ нельзя лучше было кстати. Дѣло въ томъ, что женщины баптистовъ липяговскихъ занимаются также пропагандой своего упованія. Отсюда, имѣтъ женщины — курсистокъ было прямо необходимо. — Нужно сказать, что изъ женщинъ многія пошли бы на курсы, но веденіе хозяйства не давало этой возможности. Зато на вечернихъ занятіяхъ ихъ было всегда много.

Занятія на курсахъ велись епархіальнымъ миссіонеромъ М. И. Третьяковымъ. Ему помогали, съ разрѣшенія Преосвященнаго

Иннокентія, священникъ с. Пановыхъ Кустовъ, Тамбовскаго у. о. Василій Успенскій, 5 декабря опредѣленный епархіальнымъ миссіонеромъ, вмѣсто ушедшаго свящ. о. В. Стеженскаго.—Занятія на курсахъ были утреннія и вечернія. Утромъ они продолжались съ 8^{1/2} ч. до 1 часу, а вечеромъ—съ 5 до 8^{1/2} часовъ. На вечернихъ урокахъ всегда была масса народа. Дѣло доходило до того, что отъ скученности воздуха лампы тухнули; приходилось даже выставлять одно окно, помимо открытой форточки.

Въ числѣ курсистовъ было порядочно такихъ крестьянъ, которые уже бесѣдовали съ сектантами, словомъ—зубы свои немного заострили въ этомъ отношеніи. Съ новымъ завѣтомъ они были знакомы. Присутствуя постоянно на бесѣдахъ миссіонеровъ съ баптистами, эти крестьяне были знакомы и съ нѣкоторыми главными возраженіями ихъ, а также и отвѣтами на нихъ православной полемики. Это обстоятельство до нѣкоторой степени облегчало занятія.

Настроеніе курсистовъ во все время было весьма доброе, восторженное, даже—можно сказать—пламенное. Съ какимъ вниманіемъ они слушали объясненія тѣхъ или другихъ текстовъ Св. Писанія, въ особенности приводимыхъ сектантами въ защиту своего упованія! Курсисты, работая на урокахъ, усиленно трудились надъ разумѣніемъ св. православія. Во внѣурочное время всѣ курсисты, вслѣдствіе введенной системы общежитія, съ усердіемъ трудились надъ усвоеніемъ даннаго имъ урока, бесѣдуя между собою. Съ самыхъ первыхъ дней они уже дѣлились на защитниковъ и противниковъ православной вѣры, споря другъ съ другомъ. Общежитіе ихъ было въ полномъ смыслѣ муравейникомъ. Въ особенности все это было замѣтно предъ окончаніемъ курсовъ. Входите вы въ общежитіе и слышите жаркій споръ. До васъ доносятся слова: „по строкъ-ли Св. Писанія Церковь изображаетъ Иисуса Христа въ видѣ человѣка?“ (10 глава Дѣяній).—Можно только было „радно радваться“, видя подобное отношеніе къ вѣрѣ нашего пахара—сельчанина и его желаніе встать на защиту своего упованія отъ насмѣшекъ, глумленія и отрицанія его со стороны сектантовъ. Не знаменіе-ли времени, что на поприще сельской миссіи выходятъ простецы—крестьяне?...

Отношеніе къ курсамъ липятовскимъ Преосвященнаго Иннокентія, этого *перваго* миссіонера—проповѣдника Тамбовской епархіи, самое симпатичное и весьма внимательное. Владыка, зная со-

стояніе прихода с. Липяговъ, его значеніе—какъ баптистскаго центрального села, помимо уже ассигнованныхъ 180 рублей, объѣщаль и разрѣшилъ добавочную сумму.

Въ самомъ началѣ открытія курсовъ миссіонеръ М. Третьяковъ, видя неожиданный наплывъ слушателей, принужденъ былъ обратиться къ Его Преосвященству съ такою телеграммою: „Владыка! Курсистовъ, вмѣсто 30, 43. Принять необходимо. Разрѣшите съ добавочной ассигновкой 75 рублей. Подробности прошеніемъ“. На это отъ Преосвященнѣйшаго Иннокентія миссіонеръ получилъ слѣдующій милостивый отвѣтъ: *„Разрѣшается. Благослови Господь занятія. Ассигновку дадимъ. Епископъ Иннокентій“*. Въ день полученія этой телеграммы миссіонеръ сообщилъ ее курсистамъ и тѣмъ, кто ждалъ отвѣта по вопросу о приѣмѣ на курсы. Предъ сообщеніемъ миссіонеръ М. Третьяковъ сказалъ: „Братья и сестры! Преосвященному Владыкѣ нашему Иннокентію благоугодно было на мою телеграмму отвѣтить также телеграммой. Отсюда вы видите, какъ близка сердцу нашего мудраго епископа забота о курсахъ въ вашемъ селѣ. Владыка разрѣшилъ принять большее число курсистовъ. Онъ же объѣщаль и необходимыя для этого средства. Возрадуемся объ этомъ. Радуйтесь и вы, принятыя на курсы сверхъ положеннаго числа.—Еще болѣе мы должны радоваться, братья и сестры, тому, что Преосвященный Владыка призываетъ свое архипастырское благословеніе на наши занятія. Будемъ помнить это. Для насъ благословеніе епископа весьма дорого. Мы дѣйствительно нуждаемся въ немъ. Дѣло, исполняемое нами, великое и отвѣтственное.—Да благословитъ же Господь отъ Сіона нашего Владыку Иннокентія! Да узреть онъ благая во вся дни живота своего! Да благодушествуетъ онъ на „многая лѣта!“

Курсисты дружно-восторженно пропѣли трижды „многая лѣта“.—Но этия чувства ихъ не ограничились. Въ своемъ общеніи они рѣшили благодарить Владыку. Собрали деньги на телеграмму и 6-го числа отправили ее. Телеграмма эта, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ вниманія по своему содержанію и мыслямъ, которыя волновали курсистовъ. Она слѣдующая. „Милостивый Владыка! Благоволите принять нашу душевную благодарность за разрѣшеніе курсовъ. Мы возрадовались великою радостію, услышавъ отъ своего Епископа: „Благослови Господь занятія!“ Вѣримъ, что молитвами Вашего Преосвященства, архипастыря Тамбовской Церкви,

Всешедрый Господь даруетъ намъ благословеніе.—Представители липяговскихъ курсистовъ крестьяне—Поговъ, Селезневъ“.

Каждому курсисту были выданы въ началѣ занятій и книги, и писчебумажныя принадлежности (тетради, карандаши, ручки, чернила и проч.). Изъ книгъ были даны: 1) Нывый Заветъ на рус. и славян. языкѣ; 2) Миссіонерскій Путеводитель по св. Библии, изд. „Мисс. Обзорнія“; 3) Свящ. Кипарисова—„Пособіе при веденіи бесѣдъ съ штундо-баптистами и молоканами“; 4) Православный противосектантскій катихизисъ Д. И. Боголюбова; 5) Краткая исторія сектантства, соч. Прот. Н. Кутепова. Кромѣ этого въ общежитіи курсистовъ были слѣдующія книги, для общаго ихъ пользованія: 1) Шитъ вѣры, изд. „Мисс. Обзор.“ 2) Оболенскаго—Критическій разборъ ученія рационалистовъ-сектантовъ; 3) Толкованіе Евангелія—Гладкова; 4) Бесѣды съ штундобаптистами Д. И. Боголюбова; 5) многія мелкія произведенія противосектантской полемики; 6) баптистскій журналъ—„Христіанинъ“ также былъ даваемъ для знакомства съ нимъ.

По окончаніи курсовъ каждому слушателю ихъ было выдано свидѣтельство съ надлежащею подписью, съ приложеніемъ мѣстной церковной печати. Въ свидѣтельствѣ значилось, что „N состоялъ слушателемъ миссіонерскихъ противосектантскихъ курсовъ, усердно посѣщаль утренніе и вечерніе уроки ихъ, внимательно и прилежно работаль во внѣурочное время по изученію вопросовъ, пререкаемыхъ сектантами, чѣмъ подготовилъ себя къ участію въ дѣлѣ православной сельской миссіи, подъ ближайшимъ руководствомъ приходскаго священника и съ его пастырскаго благословенія“.

Что касается программы курсовъ, то она была слѣдующая. Изъ вопросовъ, пререкаемыхъ сектантами, особенное вниманіе было обращено на вопросы—о св. преданіи, объ оправданіи и спасеніи, о святости церкви и отдѣльныхъ ея членовъ. Помимо этого предметомъ изученія на курсахъ были вопросы: о происхожденіи св. Библии, о богодухновенности ея, о толкованіи св. Писанія, понятіе о ереси, сектѣ и сектантахъ, краткія свѣдѣнія о возникновеніи русскихъ сектъ; современное состояніе баптизма и молоканства; источники христіанскаго вѣро—и право-ученія; составъ церкви, ея единство, святость и непогрѣшимость; о спасеніи—условія спасенія чловѣка; разность въ рѣшеніи этого вопроса православія и баптизма; о связи церкви земной и небесной; о почитаніи и призваніи святыхъ; о молитвахъ Церкви за умершихъ христіанъ; о

тайнствахъ; здѣсь было обращено особенное вниманіе на крещеніе и причащеніе, иначе понимаемыя баптистами; въ частности—пришлось заниматься рѣшеніемъ вопроса о смыслѣ и значеніи снисхожденія Св. Духа на язычниковъ до ихъ крещенія (по 10 главѣ Дѣяній); объ обрядахъ; о храмѣ; о крестѣ и крестномъ знаменіи; объ иконопочитаіи и св. постахъ церкви.

Отношеніе къ курсамъ сектантовъ-баптистовъ села Липяговъ весьма характерно. Главари ихъ, въ родѣ пресвитера Михаила Петрова и др., совсѣмъ уѣхали изъ села на время курсовъ. Говорили, что они уѣхали куда-то на проповѣдь. Но почему они оставили свое стадо въ такое время,—это неизвѣстно.—Сектантская молодежь, которую въ селѣ зовутъ „секталистами“ (это—сокращеніе двухъ словъ: сектантъ и социалистъ), выступала трижды на бесѣды. Первая бесѣда была о спасеніи и оправданіи, о святости Церкви и ея отдѣльныхъ членовъ. Бесѣда была по результатамъ для православія весьма хорошая. Миссіонеръ благодарилъ собесѣдниковъ за то, что пожаловали поговорить объ упованіи; въ частности—по вопросу, который весьма существенное имѣетъ значеніе въ дѣлѣ вѣры, а главное—рѣшается православными и баптистами различно. „Это различіе,—сказалъ миссіонеръ,—я могъ выяснитъ своимъ курсистамъ и православному населенію; но вы помогли мнѣ въ этомъ дѣлѣ, бесѣдуя со мной. А въ разговорѣ истина всегда яенѣе вырисовывается; для православныхъ теперь очевидно, правы—ли вы, когда говорите, что всякій увѣровавшій во Христа уже спасенъ, святъ, безгрѣшенъ; и думать о спасеніи ему нечего. Благодарю васъ еще за это одолженіе“. На вторую и третью бесѣду пожаловали „секталисты“. Поведеніе ихъ вообще было нехорошее. Когда имъ говорили, что мѣста нѣтъ для слушателей, они кричали въ открытую форточку, мѣшая заниматься: „пустите, а то плохо будетъ: окна перебьемъ, солому сожжемъ“ (солома для топки печей школы). И вотъ такіе „фрукты“ являются на бесѣду.—„Нѣтъ худа безъ добра“. Бесѣда съ „секталистами“ воочію показала, что это за молодежь сектантская. Какъ высокоумно она держала себя въ бесѣдѣ о вѣрѣ. Какъ грохотала при всякомъ своемъ желаніи „сервать“ неприятную для нея отвѣдь. Здѣсь для всѣхъ стало ясно, что молодежь эта ни во что не вѣруеть, даже и баптизма не признаеть. На вопросъ одному изъ „секталистовъ“: какого вы упованія?—былъ полученъ такой отвѣтъ: „я пассивный баптистъ“. А активнымъ вы бываете? Да.—Ко-

гда же?—А вотъ потомъ увидите.—Очень интересно было говорить съ такимъ двоедушнымъ человѣкомъ.—Весьма характерно мнѣніе сельчанъ православныхъ объ этихъ „секталистахъ“: „Они дебоширы, на все пойдуть; съ ними *и мы* никогда не бесѣдуемъ“.

Что дѣйствительно Липяговскіе „секталисты“ даже и баптизма не признають, это видно изъ слѣдующаго. Одинъ изъ нихъ во время недавняго рекрутскаго набора заявилъ, что „*онъ не желаетъ служить Царю и Отечеству*“.—Является вопросъ: какъ-же, слѣдовательно, этотъ баптистъ—„секталистъ“ относится къ словамъ баптистскаго катихизиса: „всякій христіанинъ *долженъ* повиноваться своей гражданской власти“ (Наставленіе въ вѣрѣ для баптистскаго юношества, изд. Павлова, Тифлисъ 1906 г., стр. 51)? Какъ, далѣе, онъ же—„секталистъ“—относится къ мысли одного изъ видныхъ проповѣдниковъ баптизма въ Россіи Ѳ. П. Балихина: „начальство есть Божіе установленіе... *Воинскую повинность мы* (т. е., конечно, баптисты) *отбываемъ* по призыву *законной* власти“ (Мисс. обзор. 1907 г., № 10, стр. 1409)?—Если баптисты воинскую повинность отбываютъ, то почему-же молодой баптистъ *отказался* ее отбывать? Если начальство—*Божіе* установленіе, то почему баптистъ молодой противится ему?—Очевидно, съ религіозными вопросами онъ уже покончилъ и перешелъ на политику. Можетъ быть, онъ уже не считаетъ гражданскую власть Россіи *законной* властью? Его дѣло.—Во всякомъ случаѣ молодой баптистъ отказался отъ призыва *не* на основаніи вѣроученія баптистовъ, если, конечно, это вѣроученіе указано соотвѣтственно *дѣйствительнымъ* возрѣніямъ русскихъ баптистовъ на гражданскую власть. Вопросъ этотъ весьма важный, въ особенности въ настоящее время, когда всѣ сектанты находятся въ вѣдѣніи гражданской власти Россіи.

Когда всѣ бесѣды съ сектантами прошли не въ ихъ пользу, они стали по селу распространять такія мысли: „вотъ скоро пріѣдетъ Павловъ;“ „завтра здѣсь будетъ Одинцовъ;“ „скоро пріѣдетъ Мазаевъ;“ „вотъ съ ними побесѣдуйте.“—Слышно было по селу, что кому-то изъ нихъ баптисты послали телеграмму пригласительную, а ранѣе того—письма.—15-го декабря вечеромъ, дѣйствительно, пріѣхалъ въ с. Липяги Одинцовъ изъ Балашова. Этотъ господинъ за послѣднее время разъѣзжаетъ по Тамбовской губерніи съ цѣлью пропаганды. Онъ бываетъ въ Липягахъ, въ Пановыхъ Кустахъ, на ст. Сампуръ, на ст. Волконская,

въ Матчеркѣ, Моршан. у., и въ другихъ мѣстахъ. Въ полдень 16 числа въ молитвенномъ домѣ баптистовъ было собраніе. На это собраніе ходили нѣсколько человекъ курсистовъ. Имъ было поручено, по окончаніи собранія, подойти къ Одинцову и сказать ему, что съ нимъ желаетъ видѣться миссіонеръ М. И. Третьяковъ, переговорить о бесѣдѣ. Одинцову все это было передано. На это онъ отвѣтилъ: „видѣться не могу, такъ какъ далъ слово быть у одного человека.“ Оказалось, что Одинцовъ далъ слово быть у баптиста, служащаго въ монополіи-Блѣдныхъ. Когда стало извѣстно мѣстопребываніе его, *вторично* было послано Одинцову желаніе православнаго миссіонера видѣться съ нимъ и побесѣдовать о вѣрѣ. На это вторичное приглашеніе г—нъ Одинцовъ далъ тотъ же отвѣтъ: „не могу,“ присоединивъ, что у него нѣтъ свободнаго времени. Когда же хозяинъ дома, тоже баптистъ, высказалъ свою мысль—о желательности увидѣть у себя одновременно съ Одинцовымъ и православнаго миссіонера, то Одинцовъ, измѣнившись въ лицѣ, замахалъ руками, говоря: „не могу, не могу.“ —Что это было именно такъ, могутъ подтвердить бывшіе въ это время вмѣстѣ съ Одинцовымъ баптисты—Иванъ Хмыровъ, Стефанъ Сигитовъ, Павелъ Очевъ.—„При двухъ и трехъ свидѣтеляхъ подтвердится всякое слово.“

Такъ Одинцовъ и отказался бесѣдовать о вѣрѣ, подъ видомъ неимѣнія на то времени. Уѣхалъ онъ изъ Липяговъ. Предъ своимъ отъѣздомъ держалъ рѣчь на собраніи баптистовъ. Между прочимъ говорилъ своимъ братьямъ о необходимости удалаться споровъ о вѣрѣ. „Идите, — говорилъ онъ, — къ тѣмъ, которые васъ слушаютъ.“ —Относительно курсистовъ сказалъ, чтобы съ ними „братья“ не имѣли никакихъ разговоровъ о вѣрѣ. Какъ же, спрашивается, понимать послѣ этого мысль ап. Петра: *„будьте всегда готовы* всякому, требующему у васъ отчета въ вашемъ упованіи, *дать отвѣтъ* съ кротостью и благоговѣніемъ“ (Петра 3, 15)? Очевидно, это не признають баптисты, а вмѣстѣ съ ними и Одинцовъ. — Въ чемъ причина того, что г—нъ Одинцовъ не выступилъ бесѣдовать? Священникъ с. Матчерки, Моршанскаго у., о. Петръ Сергіевскій въ 1906 г. въ февралѣ видѣлъ Одинцова. И вотъ послѣдній заявилъ ему, что „у нихъ есть протокольное постановленіе— не бесѣдовать съ православными миссіонерами.“ Мы знаемъ, что г. Одинцовъ не принялъ бесѣды и въ Пановыхъ Кустахъ, когда ему предложилъ это свящ. о. В. Успенскій, нынѣ епархіальный миссіонеръ. Словомъ, по Тамбов-

ской губ. Одинцовъ ѣздить вотъ уже три года, но на бесѣды общія не выступаетъ.—Когда православный народъ с. Дияговъ былъ извѣщенъ, что пріѣхавшій г. Одинцовъ бесѣдовать о вѣрѣ отказался, то послышались голоса: „А—а! это онъ съ нами можетъ говорить, а съ миссіонеромъ ему видно некогда; вишь какой!“

Окончились курсы 20 числа декабря.—19 утромъ было объявлено по селу, что будетъ торжественная всенощная съ вечера, а 20 литургія и молебенъ благодарственный Господу Богу, съ присоединеніемъ прошеній „о въ путь шествующихъ“. Какъ на всенощной, такъ и за литургіей на ектоніяхъ возглашались прошенія изъ молебна „объ обращеніи заблудшихъ“. Православное населеніе приняло близко къ сердцу эти послѣднія службы: оно посѣтило ихъ въ громадномъ множествѣ. Всѣ курсисты пѣли, стоя посреди храма. Они же участвовали въ церковномъ чтеніи. Нужно сказать, что всѣ службы церковныя, во время курсовъ, исполнялись — въ отношеніи пѣнія и чтенія — самими курсистами. Въ самомъ началѣ съ ними устраивали (по пѣнію) запятія мѣстные псаломщики. Изъ самихъ курсистовъ выдѣлился одинъ Ѡ. Я. Дуплищевъ — въ качествѣ руководителя хора. Какъ пріятно было слышать восторженное простое, деревенскимъ напѣвомъ, исполненіе всенощной и литургіи хоромъ въ 50 слышимъ человекъ! Не даромъ всѣ службы въ это время особенно посѣщались православными. Нужно помнить, что церковь въ селѣ холодная.

20-го, по окончаніи молебна курсисты окружили амвонъ. Съ него миссіонеръ говорилъ послѣднее заключительное слово своимъ простецамъ, слушателямъ курсовъ. Онъ указывалъ на то, что слѣдуетъ особенно благодарить Бога за Его помощь въ дѣлѣ исполненія начатаго нами дѣла. Призывалъ благодарить хозяина Тамбовской Церкви, по мысли и указанію котораго открыты въ с. Диягахъ миссіонерскіе курсы, т. е., Пресвященнаго Иннокентія. Затѣмъ сказалъ: „необходимо помнить, что вы — добрые слушатели курсовъ — не окончили свое религіозное образованіе, а только еще начали. Идите въ народъ съ словомъ православной истины. Слѣдите туда, гдѣ вы узнаете есть сомнѣвающіеся въ послѣдней. Зорко слѣдите за пропагандой баптистовъ. Помните, что они, какъ воры ночью, приходятъ въ семьи православныхъ и начинаютъ соблазнять прежде всего женщинъ. Не дожидайтесь, когда сектанты позовутъ васъ; идите сами къ нимъ и „тре-

буйте—по апостолу—отчета въ ихъ упованіи“. Теперь настала *ваша очередь*. Прежде *они* требовали у васъ отчета, а теперь *вы* дѣлайте тоже самое.—Когда вамъ придется отвѣчать, то отвѣчайте „съ кротостью и благоговѣніемъ“.—На бесѣды съ сектантами ходите всегда *по двое* или трое, не менѣе.—Да не смущается сердце ваше. Вѣруйте въ Бога. Вѣруйте въ Церковь Православную, какъ столпъ и утвержденіе истины. Да благословить васъ Господь! Да укрѣпитъ; да умудритъ во спасеніе васъ, а чрезъ васъ и другихъ! До свиданья! Если Господу будетъ угодно и живы будемъ, то еще увидимся, опять „лицомъ къ лицу“, чтобы радость наша была полна!“

По окончаніи рѣчи миссіонера М. Третьякова, изъ среды курсистовъ выдѣлился одинъ и, держа въ рукахъ икону Спасителя, сказалъ: „Глубокоуважаемый Михаилъ Ивановичъ! Приносимъ вамъ сердечную благодарность за то усердіе, съ которымъ Вы въ продолженіе трехъ недѣль наставляли насъ въ истинахъ Православной вѣры. Своими наставленіями Вы пробудили во всѣхъ насъ ревность по Бозѣ, убѣдили многихъ въ правотѣ ученія Св. Церкви Православной и, главное, дали возможность „давать отвѣтъ всякому, вопрошающему объ упованіи“.—Принося Вамъ благодарность за Ваши заботы о насъ, мы надѣемся, что и впредь Вы не оставите насъ безъ указаній и наставленій въ такомъ трудномъ дѣлѣ, на которое мы выходимъ. Примите отъ насъ сію св. икону, какъ внѣшнее выраженіе нашей сердечной Вамъ благодарности“.—Миссіонеръ принялъ икону, облобызалъ ее и сказалъ: „Братцы! Я не заслужилъ такой чести, которую Вы мнѣ оказываете. Въ самомъ дѣлѣ, что я сдѣлалъ особеннаго? Вѣдь я исполнялъ то, что мнѣ поручено Преосвященнымъ Иннокентіемъ. Я творилъ волю пославшаго меня.—Я самъ, по своей волѣ, принялъ на себя трудъ миссіи. И какъ и сколько благословить меня Господь, такъ и столько я имѣю желаніе трудиться на этомъ великомъ и ответственномъ поприщѣ.—Васъ я не могу забыть. Я сжился съ Вами за три недѣли. Для меня грустно разставаться съ этой арміей простодовъ, восторженно и благочестиво настроенныхъ, интересующихся вопросами вѣры Православной. Но я нахожу утѣшеніе себѣ въ томъ, какъ плодотворна можетъ быть, при помощи Божіей, Ваша работа для Вашего села, имѣющаго сектантовъ до 800 человекъ обою пола.—Сегодня я намѣренъ ѣхать въ Тамбовъ. Мой адресъ Вамъ извѣстенъ. Кому что нужно, пишите. Сочту

своею обязанностью исполнить Ваши просьбы, если онъ по моимъ силамъ и способностямъ. — А эту св. икону я принимаю отъ Васъ единственно потому, что не въ моей волѣ распоряжаться Вашими чувствами. Я поставлю ее у себя, въ своей рабочей комнатѣ. Пусть она *всегда* будетъ у меня предъ глазами. — Прошу Васъ, братцы, вспоминайте меня въ молитвахъ своихъ. Я нуждаюсь въ молитвахъ истинно вѣрующихъ чадъ Православной Церкви“.

Послѣ этого выступили представители православнаго населенія с. Липяговъ. Они благодарили миссіонера за его труды. „У насъ этого еще никогда не было, — говорили они, — чтобы три недѣли прожилъ миссіонеръ, уча и наставляя вѣрѣ истинной утро и вечеръ. Благодаримъ васъ покорно. Вы насъ сильно утѣшили, многое разъяснили. Пошли вамъ Богъ добраго здоровья за это наученіе насъ.“ — На слова представителей прихода миссіонеръ отвѣтилъ тою мыслью, что онъ — миссіонеръ — работникъ этого дѣла, а хозяинъ его — Епископъ Иннокентій. Поэтому, необходимо благодарить *самого хозяина* дѣла, и менѣе всего того, кто *только* исполнялъ волю пославшаго.

Изъ церкви все духовенство и курсисты отправились въ школу. Тамъ, послѣ молитвы, были выданы курсистамъ свидѣтельства. Затѣмъ всѣмъ былъ предложенъ чай и трапеза (здѣсь были и три представителя отъ прихода).

Предъ окончаніемъ трапезы настоятелемъ церкви, священникомъ о. В. Миловидовымъ было предложено пропѣть „многая лѣта“ Государю Императору, затѣмъ Преосвященному Иннокентію и Преосвященному Наанаилу; далѣе миссіонеру, священникамъ и всѣмъ потрудившимся для курсовъ; наконецъ, курсистамъ и православнымъ жителямъ Церкви с. Липяговъ.

По окончаніи трапезы курсисты рѣшили благодарить Преосвященнаго Иннокентія чрезъ посредство своихъ товарищей изъ Тамбовскаго уѣзда, которыхъ было трое. Имъ необходимо было проѣзжать чрезъ Тамбовъ. Имъ-то и поручено было отъ всѣхъ курсистовъ лично явиться ко Владыкѣ Иннокентію и выказать ему сердечную благодарность за Архипастырскую заботливость о православіи въ центральномъ баптистскомъ селѣ Липягахъ. 21 числа декабра миссіонеръ М. Третьяковъ докладывалъ о семъ Владыкѣ Иннокентію. Владыка весьма внимательно отнесся къ этому желанію липяговскихъ курсистовъ, милостиво принявъ ихъ того же числа декабра. — Одинъ изъ трехъ кур-

систовъ — Сергѣй Прохоровъ (изъ с. Ерофеевки) говорилъ Преосвященному то, что поручено было сказать Владыкѣ всѣми курсястами. Приведемъ нѣкоторыя мысли рѣчи.

„Около 20 лѣтъ Липяговская церковь изнемогала отъ укренившагося баптизма. Послѣдній въ этотъ періодъ хитро представлялъ свои лукавыя сѣти, стараясь уловить сердца простыхъ душныхъ. И-Богъ вѣсть!—до чего могла-бы дойти ихъ ересь, если-бы не угодно было Вашему Преосвященству употребить самое сильное въ настоящее время оружіе противъ сектантовъ—открытие въ селѣ Липягахъ миссіонерскихъ курсовъ. Это оружіе въ лучшемъ видѣ уничтожаетъ жемудріе сектантское. Въ особенности оно дорого теперь, когда баптизмъ сильно стремится къ умноженію. До сего времени каждый членъ Липяговской Церкви, отдѣльно взятый, представлялъ изъ себя какъ-бы мишень, въ которую каждый баптистъ стремился съ жадностію пустить свою лукавую стрѣлу... Не то встрѣчаемъ мы теперь. Врагъ нашъ смущается, видя при насъ духовный мечъ. Онъ стремится къ помощи своихъ „проповѣдниковъ“. Къ баптистамъ пріѣзжалъ извѣстный по Тамбовской губерніи пропагандистъ Одинцовъ—изъ Валашова. Къ нему *дважды* обращались православные, отъ имени миссіонера Михаила Ивановича, чтобы побесѣдовать о вѣрѣ, но получили одинъ отвѣтъ: „не могу, времени нѣтъ“. Подобнымъ уклоненіемъ отъ бесѣды ясно обнаружилась ложь баптистскаго ученія предъ глазами всѣхъ православныхъ... За разрѣшеніе открытъ миссіонерскіе противосектантскіе курсы мы считаемъ долгомъ совѣсти излить свою благодарность предъ стопами Вашего Преосвященства, свидѣтельствуя въ то же время объ особенной ревности посланнаго Вами, Владыка, миссіонера М. И. Третьякова. — Ввѣряя себя дѣйствию Промысла Божія, Вашими Святительскими молитвами и непрестанными заботами о насъ, мы твердо уповаемъ, что и впредь Ваше Преосвященство благоволите укрѣплять насъ, доколѣ, по слову апостола, „всѣ придемъ въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру полного возраста Христова“ (Ефес. 4, 13).

Выслушавъ рѣчь, Владыка Иннокентій благоволилъ сказать слѣдующее: „Благодарю и васъ за то, что вы потрудились такъ и пришли ко мнѣ. Вы укрѣпились въ истинно-христіанскомъ упованіи; укрѣпляйте теперь и другихъ.-- Подождите, я сейчасъ дамъ вамъ по книгѣ.“ — Черезъ минуту Владыка вторично вышелъ къ пред-

ставителямъ Липяговскихъ курсистовъ. Вручая имъ по книгѣ („Житіе преподобнаго отца нашего Серафима...), Владыка изволилъ сказать: „Это вамъ отъ Меня на память. Сектанты говорятъ, что нѣтъ на землѣ святыхъ. Это неправда. Читайте эту книгу и увидите, что святые есть.—Теперь благословляю васъ идти съ Богомъ.“—Такъ окончилось симпатичное дѣло Тамбовской миссіи.

М. Т—ва.

Изъ практики духовно—судебнаго слѣдователя.

(Окончаніе).

Больше всего и съ весьма большою аккуратностью и разборчивостью слѣдователю необходимо бываетъ относиться къ заявленію сторонъ объ отводѣ тѣхъ или иныхъ свидѣтелей. Показанія присяжныхъ свидѣтелей—это главный центръ дѣла, а потому стороны всегда принимаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы ослабить или усилить тѣ или другія свидѣтельскія показанія, стараясь для этого отводить неблагопріятныхъ для дѣла свидѣтелей.

Въ ряду причинъ, предусмотрѣнныхъ закономъ, къ которымъ свидѣтели не допускаются къ свидѣтельству подъ присягой, между прочимъ есть и такая: вражда подсудимаго съ свидѣтелемъ.— „Лица, находящіяся съ подсудимымъ въ родствѣ... или имѣвшіе съ нимъ до того времени вражду, хотя бы потомъ они и помирились, не допускаются къ свидѣтельству подъ присягой“. (Ст. 249 зак. о суд. т. XV).

Въ моей практикѣ изъ цѣлыхъ десятковъ дѣлъ ни одного не обходилось безъ того, чтобы та или другая сторона не выставила этой причины къ отводу свидѣтелей.

И нужно при этомъ замѣтить, что уясненіе неосновательности этой причины къ отводу свидѣтеля сторонѣ, требующей отвода тамъ, гдѣ дѣйствительно эта причина не можетъ быть законной, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ казалось для нея убѣдительнымъ и непризнаніе законности причины обыкновенно относили въ счетъ или пристрастія слѣдователя, или его недомыслія. Съ точки зрѣнія заинтересованной въ дѣлѣ стороны, мнѣ конечно исполнѣ понятно.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ не заявить объ отводѣ отъ присяжнаго показанія лица, которое явно ко мнѣ не только недоброжелательно, но и прямо таки враждебно? Тѣмъ болѣе на строкѣ закона объ этомъ сказано слишкомъ ясно и опредѣленно.

Да, это вѣрно. Но съ другой стороны вѣрно и то, что если бы давалось широкое право отводить отъ свидѣтельства подъ присягою всякое враждебное къ себѣ лицо, то въ этомъ случаѣ подсудимому предоставлялся бы широкій просторъ къ отводу свидѣтелей отъ присяги, что совершенно не соответствовало бы цѣлямъ правосудія.

Бывали случаи такихъ, напр., заявленій: прошу свидѣтеля такого то отвести отъ допроса подъ присягой, потому что онъ жилъ у меня въ работникахъ, провинился, я его прогналъ съ мѣста, а онъ ушелъ съ обидой и угрозой припомнить и отомстить. Или: для усмиренія и подворенія тишины и порядка, разбушевшагося пьяницу, подсудимому, при помощи полиціи, пришлось усадить его въ холодную и чрезъ это приобрести въ немъ врага себѣ, пообщавшагося тоже при случаѣ отомстить. Теперь это лицо и выставляется противъ подсудимаго свидѣтелемъ, просить объ отводѣ. Вотъ указанные, или подобные имъ случаи не должны подходить подъ статью закона о враждѣ и посему не могутъ быть причиной къ отводу свидѣтеля. Руководствуясь разными толкованіями судебныхъ законоположеній, нужно допустить, что вражда свидѣтеля съ подсудимымъ, какъ причина отвода свидѣтеля отъ присяги, должна быть приказная, т. е. поступившая въ данное время на разсмотрѣніе какого либо присутственнаго мѣста. Таксе разъясненіе ст. 249 я всегда примѣнялъ при слѣдствіяхъ и Епархіальное начальство признавало его правильнымъ.

Теперь далѣе. Приходилось наблюдать слѣдующее немаловажное обстоятельство. Иногда на имя Преосвященнаго поступаютъ жалобы на то или другое лицо отъ имени двухъ—трехъ уполномоченныхъ цѣлямъ обществомъ крестьянъ. По такимъ жалобамъ въ большинствѣ случаевъ назначается формальное слѣдствіе. Слѣдователь, руководствуясь указомъ консисторіи, приступаетъ къ производству его въ обыкновенномъ порядкѣ безъ провѣрки дѣйствительнаго уполномочія означенныхъ въ прошеніи лицъ. А между тѣмъ нерѣдко бываетъ, что лица, поименовавши себя уполномоченными отъ цѣлаго общества, на провѣрку дѣла оказываются, полномочіе получили отъ небольшого кружка имъ сочувствующихъ лицъ

и заручились на этотъ счетъ извѣстнымъ приговоромъ, засвидѣ-
тельствованнымъ иногда только печатью сельскаго старосты. Тогда
какъ большинство общества своего согласія на уполномочіе имъ не
давало, да можетъ быть и не дало бы, что и приходилось не разъ
выяснять.

При наличности такихъ условій едва-ли удобно приступать
къ производству слѣдствія безъ предварительнаго оповѣщенія о
томъ епархіальнаго начальства.

Но въ нашемъ судопроизводствѣ послѣднее рѣдко практи-
куется и такія жалобы въ большинствѣ случаевъ обслѣдываются,
хотя по нашему мнѣнію неправильно.

Нерѣдко бываетъ, что въ дѣлѣ имѣются приговора отъ
сельскихъ обществъ, которые иногда стоятъ въ корнѣ возникнове-
нія судебного дѣла.

Необходима точная провѣрка такихъ приговоровъ съ непре-
мѣннымъ опросомъ всѣхъ лицъ, значащихся въ подписяхъ къ нему:
дѣйствительно ли они подписывались и знаютъ ли къ чему под-
писывались. Бывали случаи, что лица, значащіяся въ подписяхъ,
къ приговорамъ вписывались помимо своего желанія, нерѣдко безъ
ихъ вѣдома, а иногда въ такихъ приговорахъ попадаютъ лица, уже
давно умершія, другихъ приходоу и волостей и под.—

Итакъ, во всемъ ходѣ духовно-судебнаго слѣдствія сплошь
и рядомъ неопытный слѣдователь поставляется въ разныя затруд-
нительныя положенія, выхода изъ которыхъ онъ не всегда можетъ
найти въ предлагаемыхъ руководствахъ, а точныхъ, ясныхъ и опре-
дѣленныхъ инструкцій для духовно-судебныхъ слѣдователей, кромѣ
нашихъ законоположеній, у насъ пока нѣтъ, а существующія не
совсѣмъ удовлетворительны. Слѣдовательно, такое положеніе дѣла,
кажется, достаточно подтверждаетъ высказанную нами прежде мысль
о томъ, что лица, выбираемыя на должность духовно-судебныхъ
слѣдователей, непременно должны быть специалистами этого дѣла
и, добавимъ, не иначе должны быть опредѣляемы на эту должность,
какъ только послѣ предварительной и серьезной подготовки ихъ
къ тому.

Въ настоящее время стремленій ко всякаго рода преобразо-
ваніямъ и реформамъ въ ряду вопросовъ, возбуждаемыхъ и обсу-
ждаемыхъ на окружныхъ и общепархіальныхъ съѣздахъ духовен-
ства, стоитъ, между прочимъ, и вопросъ объ устройствѣ товари-
щескаго суда чести. Въ задачу настоящей нашей статьи не входитъ

обсужденіе значенія этого проектируемаго нововведенія. Но во всякомъ случаѣ хотѣлось бы сказать, что оно было бы весьма желательно. Помимо прямыхъ своихъ цѣлей, товарищескій судъ чести, состоящій изъ извѣстныхъ выборныхъ и потому авторитетныхъ въ средѣ духовенства лицъ, могъ бы служить и практикой для нихъ въ дѣлѣ духовнаго судопроизводства и так. образомъ—извѣстной школой для подготовки лицъ къ занятію должности духовно-судебныхъ слѣдователей. А назначеніе таковыхъ административнымъ порядкомъ изъ духовныхъ лицъ — и безпорочныхъ, усердныхъ и наиболѣе дѣятельныхъ вообще, пользующихся довѣріемъ и расположеніемъ Епархіальнаго Начальства — не всегда можетъ быть удачно и цѣлесообразно.

Въ заключеніе нашей статьи о духовномъ судопроизводствѣ считаемъ долгомъ оговориться, что цѣлью ея было простое и естественное желаніе подѣлиться своими на этотъ счетъ свѣдѣніями, пріобрѣтенными годами слѣдовательской практики, а не желаніе упрекнуть въ неопытности другихъ и выхвалить себя. Да не подумаетъ этого читатель. Весьма желательно было бы имѣть отклики на эту нашу замѣтку со стороны другихъ оо. слѣдователей, болѣе опытныхъ и практиковавшихъ.

Вѣдь то, что нами здѣсь набросано, представляетъ въ существѣ малую крупицу изъ богатой области матеріала, который несомнѣнно имѣется въ рукахъ каждаго слѣдователя.

Постепенное и всестороннее раскрытіе сторонъ неудовлетворительной постановки нашихъ духовно-судебныхъ слѣдствій послужить, думается, лучшимъ уясненіемъ ихъ, а сіе послѣднее многихъ изъ оо. слѣдователей отклонить отъ возможныхъ ошибокъ въ дѣлѣ судопроизводства, что, повторяемъ, нерѣдко ложится печальнымъ послѣдствіемъ какъ на самихъ слѣдователяхъ, такъ главнымъ образомъ и на лицахъ, причастныхъ къ дѣлу.

Духовно-судебный слѣдователь Козлов. гор. округа
Священникъ *Николай Архангельскій.*

Великая тайна *).

Наступали сумерки. Солнце уже готовилось скрыться за горными вершинами. Вечерняя заря покрыла на западѣ горизонтъ, тихая и нѣжная, какъ усѣянный цвѣтами путь, по которому только что направилась молодая парочка обрученныхъ. Повсюду—тишина и таинственный покой. На синевѣ неба вырисовывались темныя сосны, журчали въ долинѣ ручьи, напѣвая свою старую пѣсню, и все въ природѣ дышало спокойствіемъ и красотой.

Солнце совсѣмъ скрылось. И я узналъ тогда, что сбился съ дороги и нахожусь въ мѣстахъ, совсѣмъ незнакомыхъ мнѣ раньше. Тихо побрелъ я въ направленіи, по которому долженъ быть достичь своей деревни. Мнѣ было легко и весело на душѣ, но непонятное влеченіе къ „чему-то“, чего я самъ не зналъ, подгоняло меня, и сами собою шаги мои становились състрѣе. У скалистаго обрыва я остановился и задумался. То тутъ, то тамъ на ясномъ небосклонѣ показывалась звѣзда, и сосны вдали становились все чернѣе. Вдругъ передъ собою я увидѣлъ какую-то движущуюся фигуру. Это былъ пустынный, прозванный въ деревнѣ „Горнымъ Старцемъ“. Онъ приближался ко мнѣ. На лицѣ его отражался весь покой природы, а глаза его свѣтились такою ласкою, какъ маленькія звѣздочки надъ нами. Онъ остановился, и, когда увидѣлъ меня, нѣжная улыбка озарила его черты. Онъ ничего не сказалъ.... „Богъ въ помощь“, —прошепталъ я, — „я сбился съ пути, не укажешь-ли ты мнѣ его?“ — „Идемъ“, отвѣтилъ онъ и, коснувшись рукою моего плеча, повелъ меня назадъ по той-же дорогѣ, по которой я только что пришелъ. Съ нимъ рядомъ мнѣ было легко на душѣ. Казалось, отъ него исходила какая-то священная сила. Вся моя тоска, всѣ мучительныя сомнѣнія оставили меня. Указывая на высь, гдѣ уже ярко сіяли безчисленныя звѣзды, онъ началъ такъ:

„Ты сбился съ пути, —быть можетъ, ты его совсѣмъ еще не знаешь! Конечно, ты его еще не нашель! Путь къ родинѣ—тихая, скромная лѣсная тропинка, удаленная отъ шумныхъ дорогъ міра, такъ какъ ведетъ она въ самое сердце Великой Тайны.

— Взгляни на эти темныя деревья, взгляни вверхъ на звѣзды, взгляни на меня и посмотри на самого себя: все—покрыто тайной, все—чудесно! Какъ никто не вѣдаетъ, какъ попала

*) Помѣщаемъ эту статью, какъ образчикъ самоновѣйшей релігіозной философіи. Ред.

сюда эта свала, какая рука создала ее и установила, такъ и человекъ — найденный въ лѣсу жизни, загадка и для самаго себя, и для другихъ. Когда я говорю соснѣ: „Скажи мнѣ, что ты такое?“ — она молчитъ. И развѣ своимъ молчаніемъ не даетъ она болѣе ясный отвѣтъ, чѣмъ міровые умы, когда они по своему разрѣшаютъ вопросъ о бытіи человека?

Человекъ — чудо. Какъ только это собственное его чудо становится ему ясно, — онъ уже новый человекъ, а на мѣсто стараго является новое чудо. И вотъ путь: постоянное просвѣтлѣніе, постоянный подъемъ въ высшія, болѣе чистыя формы „Истины“, и наконецъ въ то, что еще не выразимо въ бытіи, въ самую „Истину“. Растенія стремятся къ свѣту, человекъ — тоже; но его свѣтъ это — Истина. Назовемъ-ли ее Истиной, Счастьемъ, Единствомъ, Любовью, или еще какъ хочешь, безразлично: у нея нѣтъ названія. Лучшее слово языка не можетъ исчерпать ее, рѣчь просвѣщеннѣйшаго человека не можетъ ее опредѣлить. А съ другой стороны, развѣ не говорятъ объ этомъ звѣзды, не слышно-ли это въ журчаніи ручья, не мы-ли, страствуя здѣсь, обнаруживаемъ ее? Это — чудо! И именно потому человека манитъ и искушаетъ заняться этимъ и пытаться почувствовать это и ощутить. Онъ добивается его, этого великаго Незвѣстнаго, но едва-ли онъ самъ знаетъ, хочетъ ли онъ его имѣть, или имъ быть. Этой потребности отвѣчать то стремленіе, о которомъ говорятъ ваши поэты и которое тебя волнуетъ. Это — желаніе видѣть, видѣть собственными глазами то, что скрываетъ чудеса“.

Съ благодарностью взглянулъ я на старца, который продолжалъ:

„Тебѣ хотѣлось бы проникнуть въ тайну человека, но я не могу тебѣ ее открыть: только сама жизнь можетъ снять съ нея завѣсу. Охотно дамъ я тебѣ ключъ отъ шкатулки, въ которой хранится этотъ алмазь, но замочную скважину ты долженъ отыскать самъ и самъ, своей рукой вскрыть замокъ. Если-бы какая-нибудь книга могла открыть тайну жизни, то все наизусть изучили-бы ее, и не было-бы больше ни горбѣтей, ни страданій, такъ какъ все грустное должно было бы сгнуть подъ вліяніемъ высшаго свѣта. Кто въ Истинѣ познаетъ самого себя, тотъ приходитъ къ сознанію величія и блеска своей природы. Въ лучшихъ изъ васъ таится стремленіе достичь этой высоты. Они — въ положеніи того царскаго сына, который по превратности судьбы попалъ въ очень

ранніе годы въ далекую страну, гдѣ сталъ своеобразнымъ ребенкомъ: хотя онъ одѣвался совсѣмъ какъ окрестные крестьяне и дѣлалъ совершенно тоже самое, что они, все-же сразу видно было, что онъ отъ нихъ отличается. И въ немъ было стремленіе къ невѣдомой выси, и съ каждымъ днемъ разгоралось все больше и больше. Когда однажды старый пастухъ, полюбившій его, наскнулъ ему о его царскомъ происхожденіи и о далекой родинѣ, это стремленіе всецѣло поглотило его, и какъ-то утромъ кровать его оказалась пустой. Никто не зналъ, куда онъ исчезъ, но старый пастухъ полагалъ, что теперь ему должно быть хорошо“

Почти совсѣмъ стемнѣло. Свѣжій вѣтерокъ дулъ намъ навстрѣчу и игралъ длинными серебристыми кудрями старца. Стройно, изящно выдѣлялся его высокій станъ. Казалось, и онъ, и духъ его витали вдали. Все въ немъ было—тихая, покойная жизнь.

Тропинка все суживалась и извивалась большими изгибами внизъ съ горы. Мы оба глядѣли вверхъ, гдѣ сосны гармонично выдѣлялись на усѣянномъ звѣздами небосклонѣ и указывали намъ путь.

„Смотри“, — услышалъ я спустя нѣкоторое время голосъ старца, — „какъ мы шествуемъ здѣсь. Вокругъ насъ глубокая почва. И мы невольно смотримъ въ высь, чтобъ сохранить вѣрное направленіе къ дому. Такъ и у людей: только тогда, когда черная немочь спускается на ихъ жизнь, вспоминаютъ они о высокомъ, о возвышенномъ, — и, какъ насъ теперь темная ночь, такъ и ихъ муки побуждаютъ искать путь. Вотъ почему страданіе—великій учитель. Кто достигъ возможности видѣть въ страданіи что-либо поучительное, тотъ уже близокъ къ тому, чтобы ихъ совсѣмъ побороть. И въ страданіи есть добро: надо только взглянуть на него прямо, но это трудно, такъ какъ и самое страданіе—полно тайны. Если кто хочетъ въ какомъ-бы то ни было видѣ избавиться отъ какого-либо страданія, то пусть знаетъ, что все имѣетъ причину, возникло съ причиною и съ нею проходить. Въ основѣ всякаго дѣйствія, каждой мысли лежитъ причина, какъ видимая, такъ и невидимая. Если я теперь подымаю руку, то есть тому совершенно опредѣленная причина и эта причина опять таки находится въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ крупныхъ и мелкихъ причинъ, но все онѣ—едины въ Одной причинѣ, единственной, которая сама безпричинна. Такъ, самая мельчайшая пылинка находится въ связи съ цѣлымъ. Поэтому не слѣдовало-бы гово-

рить о существенныхъ и несущественныхъ занятіяхъ: для просвѣщенныхъ людей все одинаково существенно. Когда поэтъ своими пѣснями наполняетъ радостью и счастьемъ сердца цѣлаго народа, то, несомнѣнно, это — прекрасно; а когда пахарь идетъ за своимъ плугомъ, никѣмъ не видимый, и, возвращаясь вечеромъ домой, наполняетъ радостью сердца своей семьи, — развѣ это не такъ же прекрасно? Не могу сказать, чтобы тому или другому принадлежало право на предпочтеніе: я въ обоихъ вижу проявленіе одной и той-же мощи, и каждый изъ нихъ обнаруживаетъ ее постольку, поскольку можетъ. Гдѣ-же здѣсь различіе?

Я говорилъ о причинахъ страданія. — Узнать его, шагъ за шагомъ, — вотъ въ чемъ путь. Узнать значитъ побѣдить. Тотъ сталъ-бы могуществѣннѣйшимъ учителемъ, познанія котораго проникли-бы въ глубь всѣхъ вещей. Я дамъ тебѣ два сравненія. Нѣкто боится будущаго: онъ думаетъ, что скоро его постигнетъ большое горе. Страхъ его постольку увеличивается, поскольку онъ даетъ ему волю захватывать его. И вотъ онъ узнаетъ однажды — изъ хорошей-ли книги, добраго слова или другимъ путемъ, наводящимъ на размышленія, — что онъ самъ держитъ свое будущее въ своихъ рукахъ, и что страхъ и заботы только до тѣхъ поръ будутъ обуревать его, пока онъ самъ захочетъ. Послѣдствія ты самъ себѣ представить можешь. — То же самое бываетъ и съ разгнѣваннымъ человѣкомъ, — онъ также страдаетъ. Но какъ только онъ выяснитъ себѣ сущность гнѣва, гнѣва уже нѣтъ и съ нимъ — нѣтъ и страданія. Конечно, ты могъ бы сказать и наоборотъ: какъ только нѣтъ болѣе гнѣва и съ нимъ страданія, онъ ясно и отчетливо видитъ сущность гнѣва“. Сначала онъ находился въ долинѣ среди тумана и не могъ узнавать даже ближайшихъ окрестностей; теперь-же онъ стоитъ на горѣ и видитъ подъ собою долину.

Причина всегда глубоко, очень глубоко сокрыта, но тѣмъ не менѣе, если только онъ мыслитъ чистосердечно и естественно, она проста и сама собою понятна, какъ яркая звѣзда тамъ на лѣ-сомъ.

Звѣзды не знаютъ ничего о страданіи. Если-бъ я страп-ствоваль по всѣмъ странамъ и вопрошалъ всѣ существа, всѣ деревья и цвѣты, всѣхъ птицъ и дѣтей: „Страдаете-ли вы“, — что отвѣтили-бы они мнѣ? Они продолжали-бы шелестить и благоухать, пѣть и играть, такъ же радостно и счастливо, какъ всегда,

какъ-бы не обращая вниманія на этотъ вопросъ. Но если-бъ я зашелъ въ старую хижину или дворецъ и спросилъ людей, счастливы-ли они,—что отвѣтили-бы они мнѣ? Они покачали-бы головами, рассказали-бы о нуждѣ и немощахъ, посмотрѣли бы на меня, какъ на чужеземца, и вѣрно сказали-бы: „Милый другъ, счастливыцы давно уже вымерли“. Быть можетъ, нашелся-бы только одинъ, считающій себя вполне довольнымъ, но если-бъ я ближе присмотрѣлся къ этому человѣку, то въ концѣ концовъ, вѣроятно, обнаружилось бы, что это—беззаботный глупецъ или мечтатель.

Вездѣ одно и тоже. Доколѣ кто-нибудь не позналъ вполне Истины, онъ долженъ нести бремя предназначеннаго ему страданія. Тутъ не допускается исключеній. Будь ты король или нищій, законъ неизмѣненъ: кто не слѣдуетъ вѣчнымъ предписаніямъ природы,—долженъ страдать. Никакая вѣшняя власть не наказуетъ его: онъ самъ себя наказываетъ, если вообще можно говорить о наказаніи. То, что изъ этого вытекаетъ, просто, почти слишкомъ просто. Никто не станетъ искать страданія, и все-таки страдаютъ почти всѣ. Причина, слѣдовательно, кроется въ незнаніи вѣчныхъ предписаній природы. Чѣмъ болѣе познаешь законъ, тѣмъ лучше ему слѣдуешь. Вѣдь страданіе ничто иное, какъ указатель: чловѣкъ постольку облегчаетъ свое бремя, поскольку онъ прислушивается къ голосу нужды.

Мы бродимъ здѣсь въ лѣсу и находимъ въ этомъ удовольствіе. Быть можетъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ бродятъ также два человѣка, огорченные тѣмъ, что должны въ такой поздній часъ еще бродить. Вотъ именно такъ дѣйствуетъ все, какъ воспринимается. Коль добръ ты самъ, то нѣтъ для тебя ничего дурного. Всякій зрить глазами своего собственнаго сердца. Одинъ переноситъ свое страданіе въ одной формѣ, другой—въ иной. Звонить ли о немъ во всѣ колокола, или скрывать въ тайникахъ своей души—безразлично; никто его не избѣгнетъ. Какъ возможно ту-же сумму денегъ имѣть въ видѣ легкой ассигнаціи или въ видѣ многихъ тяжелыхъ монетъ, такъ и субъективному чувству отдѣльныхъ лицъ представлена форма, въ которой они желаютъ переносить свое страданіе. Если у тебя есть способность самопознанія, то ты сумѣешь вѣрно взглянуть на свое страданіе, нѣтъ его у тебя—ты и будешь страдать, но не для того, чтобы стонать, а только для того, чтобы достигъ высшей формы самопознанія.

Кто однако позналъ тайну всѣхъ тайнъ, глубину всѣхъ чудесъ, тотъ уже не знаетъ ни муки, ни наслажденія. Свободный отъ всѣхъ противорѣчій, вездѣ онъ видитъ Единое. Какъ много-сложно и въ кажущемся безпорядкѣ устроенъ звѣздный небосклонъ, который тѣмъ не менѣе съ неувимой гармоніей и красотой проникаетъ своимъ сіяніемъ въ наши сердца и наполняетъ благоговѣніемъ, такъ и мудрецъ во всемъ многосложномъ живомъ мірѣ видитъ только откровеніе безконечнаго единства, повсюду миръ, повсюду любовь, повсюду свѣтъ“...

Онъ остановился и умолкъ. Мы подошли близко къ деревнѣ. Долина темная, и только отдѣльныя, свѣтлыя точки указывали на то, что внизу жили люди. Я раскрылъ свой плащъ и снялъ шляпу съ головы: мнѣ было такъ легко на душѣ.

И снова старецъ тихо и покойно заговорилъ, указывая рукою на высь, и мнѣ казалось, что говоритъ нѣкто-невидимый. Тихо и ясно звучали слова его въ прохладной тишинѣ ночи.

„Звѣзды не одиноки. Тамъ каждая — сама для себя, но каждая довольствуется сама собою: отсюда ихъ тихая красота, вотъ — образъ мудреца. Вы назвали его — одинокимъ чужеземцемъ; нѣтъ, онъ не таковъ: онъ живетъ въ самомъ тѣсномъ общеніи со всѣмъ. Весь міръ — его грудь, и великая тайна — его сердце. Онъ чувствуетъ вмѣстѣ со всѣми, онъ — все. Онъ не витаетъ ни въ воспоминаніяхъ, ни въ радостныхъ надеждахъ на золотой вѣкъ; онъ живетъ единъ: единъ со всѣмъ и все въ Единомъ.“

Онъ витаетъ такъ высоко надъ низменной земной жизнью, какъ звѣзды надъ темной деревней, и всетаки лучами своей любви онъ объемлетъ все существующее. Онъ — звѣзда на духовномъ небѣ. Но и онъ свой свѣтъ имѣетъ не отъ себя; и онъ — не самый свѣтъ. Онъ только носитель свѣта, свѣтильникъ вѣчнаго солнца. Онъ посланецъ безконечнаго Отца вселенной, и родина его — не въ этомъ мірѣ. Его настроеніе свободно отъ всякой пролетной пыли, чисто, какъ твердь“.

Старикъ умолкъ. Онъ протянулъ мнѣ свою мягкую руку и пошелъ. Я слѣдилъ за нимъ глазами; и казалось мнѣ, что нѣжное облако окутало его станъ, когда онъ сокрылся въ темнотѣ. Я взглянулъ вверхъ. Во-истину, его покой — тайна всѣхъ тайнъ: онъ скрытъ, какъ звѣздный небосклонъ, и ясенъ какъ звѣздный лучъ, который такъ чутко отзывается въ нашихъ сердцахъ...

Мнѣніе свѣтскаго писателя о необходимости для Россіи религіознаго обновленія.

— И вы все-таки думаете, что Дума вывезетъ насъ изъ ямы?

— Я, конечно, не вижу, что другое могло бы сдѣлать это. Въ исторіи всѣхъ народовъ политическое возрожденіе шло обыкновенно впереди экономическаго и общественнаго и только изрѣдка рука объ руку съ нимъ; не вижу, почему и Россія не должна бы идти тѣмъ же путемъ?

— Я, признаться, утратилъ въ это всякую вѣру. Не думаю, чтобы такіе, идущіе сверху эксперименты, разбудили нашу деревню. Въ моемъ прелставленіи, она нѣчто единственное въ своемъ родѣ, не имѣющее параллели.

Въ ранней молодости мнѣ пришлось служить въ судебномъ вѣдомствѣ, какъ разъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ въ то время шибко развивалась штунда. Жалко, что у нея не было никакого внутренняго религіознаго содержанія. Тѣмъ не менѣе, она оказывала удивительное вліяніе на нашего крестьянина въ томъ смыслѣ, что очищала его нравственность и быстро поднимала его благосостояніе.

Деревня теперь страшно страдаетъ отъ алкоголизма.

Посмотрите на ту массу сумасшедшихъ, эпилептиковъ и страдающихъ другого рода нервными болѣзнями. Боюсь, что они грозятъ намъ вырожденіемъ и что наследственность въ этомъ направленіи все больше и больше проявляетъ свои права.

Деревнѣ нашей нужно и нѣчто другое, кромѣ политическаго переустройства. Одно оно, даже въ самой широкой степени, едва ли поможетъ дѣлу.

Нужна такая сила, которая захватила бы мужика цѣлкомъ, и я думаю, что такой силой можетъ быть только содержательное религіозное движеніе.

Штунда слишкомъ безсодержательна, слишкомъ мало даетъ уму, и хотя и успѣла все таки оказать чудеса въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ, но пустить глубокихъ корней она не могла и именно потому, что религіозная ея доктрина не только примитивна, но и слишкомъ цуста.

Я все мечтаю о такомъ человѣкѣ изъ народа, который создалъ бы цѣлесообразную философско-религіозную доктрину, ко-

торая соотвѣтствовала бы мужицкому пониманію вещей и, въ то же время, содержала бы въ себѣ нѣчто логически послѣдовательное.

Такая комбинація, вѣроятно, обладала бы чудесной силой и могла бы встряхнуть мужика въ его настоящей летаргіи.

— Я хочу сказать, что недостаточно одной политики, недостаточно воздѣйствія одного мозга, нужно, чтобы руководящимъ началомъ было и сердце.

Наши сектанты всегда были самыми передовыми, самыми состоятельными элементами въ нашемъ крестьянскомъ населеніи. Несчастье въ томъ, что до сихъ поръ сектантство вертѣлось болѣе на внѣшности, что его внутреннее содержаніе было слишкомъ незначительно. И все таки только оно и достигало сколько нибудь реальныхъ результатовъ.

Вотъ почему я и думаю, что разгадка Гордіева узла лежитъ именно въ этомъ направленіи. Нужна такая сила, которой самъ мужикъ отдался бы всецѣло, по своей собственной охотѣ. Массы все еще стоятъ на такой степени развитія, когда религія сохраняетъ всю свою силу и способна сдвинуть горы. Мы совсѣмъ не понимаемъ мужицкой психологіи. Она слишкомъ своеобразна, и мы слишкомъ далеко ушли отъ нея.

— Вы, значить, отрицаете цѣлесообразность всего настоящаго движенія? Вы не думаете, что это то, что нужно?

— Совсе нѣтъ. Одно не помѣшаетъ другому, и нелогично было бы только потому, что, можетъ быть, указываемое мною средство оказалось бы несравненно болѣе дѣйствительнымъ, опустить руки и ждать у моря погоды.

Нельзя, конечно, искусственно создать такого человѣка и такую доктрину, о которыхъ я мечтаю. Я могу только надѣяться, что если я правъ, то жизнь принесетъ ихъ съ собою въ надлежащій психологическій моментъ.

Такое движеніе было бы жизненнымъ, только если бы возникло само по себѣ, силою вещей. Нельзя его ни подготовить, ни поторопить, ни воспроизвести.

Что наша деревня чувствуетъ въ немъ потребность — для меня ясно изъ того великаго множества религіозныхъ сектъ разнаго рода, которія возникали въ нашемъ крестьянствѣ за послѣднія 2—3 столѣтія. Едва ли подлежить сомнѣнію, что боль-

шинство русской деревни въ то или другое время подвергалось этимъ сектантскимъ броженіямъ болѣе или менѣе, такъ или иначе.

Покуда изъ этого не вышло ничего общаго. Возможно, конечно, что это броженіе такъ и останется пустоцвѣтомъ, и деревня наша дождется какого-нибудь другого пути для своего возрожденія. Строить на моихъ мечтахъ что либо положительное, конечно, нельзя, но я убѣжденъ, что деревня наша такъ долго находилась въ состояніи нравственнаго голода и что почва такъ созрѣла, что, появившись что либо дѣйствительно подходящее, оно разлилось бы мгновенно, какъ степной пожаръ, продѣлало бы ту медленную гигантскую работу, которая намъ предстоитъ при обычныхъ методахъ, и совершило бы ее гораздо легче и гораздо скорѣе.

Вѣра всегда была болѣе стремительнымъ работникомъ, чѣмъ философія. Ихъ сущность такъ же различна, какъ должны быть различны тѣ почвы, къ которымъ онѣ могутъ привиться. У пастъ первая и теперь явственно заслоняетъ послѣднюю при малѣйшихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Какъ ни атеистична наша интеллигенція, и она нерѣдко захватывается, хотя, конечно, и бессознательно. Какая сила выдвинула въ третью Думу, слишкомъ сорокъ священниковъ. Нельзя относиться ко всему этому слегка. Во всемъ этомъ есть, несомнѣнно, какая-то связь. Будемъ дѣлать свое дѣло, но и не заткнемъ своихъ ушей и станемъ чутко прислушиваться къ тому, что можетъ такъ или иначе появиться на поверхности нашей взбаломученной жизни всякую минуту *).

(Слово—газет.)

Бесѣда о садоводствѣ.

4-го декабря 1907 г. въ актовомъ залѣ Тамбовской Духовной Семинаріи состоялась бесѣда о садоводствѣ. Цѣль ея была заинтересовать воспитанниковъ садоводствомъ и отчасти ознакомить. Бесѣду велъ діаконъ с. Чикаревки, В. уѣзда, Димитрій Виноградовъ. Содержаніе ея слѣдующее:

*) Сужденіе дѣнно въ томъ отношеніи что свѣтскій человекъ силой, обновляющей общество, признаетъ вѣру.

Гг.! Я, народный учитель, привыкъ выступать предъ такими слушателями, изъ которыхъ большая часть не умѣетъ на пер-выхъ порахъ отличать правой руки отъ лѣвой и назвать по имени отца и мать. Меня смущаетъ такое собраніе лицъ, стоящихъ выше меня по образованію. Прошу быть снисходительными ко мнѣ, если найдете мою рѣчь тяжелой. Я, садоводъ—практикъ, явился сюда изъ глуши не даръ слова показать, а заинтере-совать и отчасти ознакомить васъ съ малоизвѣстной, малодоступной, но полезнѣйшей отраслью сельскаго хозяйства—садоводствомъ. Прежде сообщу о томъ, какъ я сдѣлался садоводомъ.

Лѣтъ 12 тому назадъ меня заинтересовали слѣдующія строки.

„Въ 1870 годахъ меня, въ товариществѣ съ двумя моими земляками, пригласили наши знакомые въ Вѣнѣ прибыть на от-крытіе читальни въ деревнѣ, отстоящей на 3 станціи желѣзной дороги отъ Вѣны. Былъ мѣсяць сентябрь, погода ясная. Откры-тіе читальни совершилось съ большимъ торжествомъ, а послѣ обѣда мы пошли въ сопровожденіи двухъ хозяевъ прогуляться по деревнѣ. Дома тамъ камнные, церковь величественная, школа трехэтажная; народъ весь грамотенъ и зажиточенъ. Всѣ улицы высажены грушами первыхъ сортовъ, ранними и поздними. На ран-нихъ не было уже плодовъ, но позднія были ими густо покрыты. Подъ этими лежало множество опавшихъ грушъ, привлекающихъ проходящихъ своимъ желтымъ или краснопѣлымъ цвѣтомъ. Но эти груши лежали покойно. Туда не проходили ни скотъ, ни свиньи. А люди не обращали на нихъ вниманія, гуляя по тор-туарамъ. Я спросилъ одного нѣмца: развѣ у васъ нѣтъ ребяти-шекъ, что груши лежатъ такъ покойно подъ деревьями?—Ребя-тишки, сказалъ онъ, есть у насъ, но они не тронуть ни одной груши, во-первыхъ потому, что у нихъ есть свои до пресмщенія, а во-вторыхъ, что это чужое общественное добро. Мы сдаемъ въ аренду всѣ плоды по улицамъ и дорогамъ, и это дѣло ребяти-шекъ—вечеромъ убирать всѣ опавшіе плоды“.

Эти строки произвели на меня сильное впечатлѣніе. Срав-нилъ я эту нѣмецкую деревню, обсаженную плодовыми деревьями съ своими селами и деревнями, въ которыхъ избы безъ изгоро-дей или съ плохими плетнями, а вокругъ избъ сорные травы и кусты, не приносящіе никакихъ плодовъ, а только попусту зани-мающіе мѣсто. Сравнилъ я жителей той деревни, имѣющихъ плоды въ изобиліи, съ нашими крестьянами, для которыхъ плоды рѣдкое

лакомство. Сравнилъ я нѣмецкихъ дѣтей, не трогающихъ, лежавшихъ на землѣ плодовъ и нашихъ крестьянскихъ дѣтей, обворывающихъ салы. Срашилъ все это, и мнѣ стало обидно за свою бѣдную Русь. Мнѣ стало досадно во-первыхъ на себя за то, что я увлекся сельскимъ хозяйствомъ, отъ котораго польза была только мнѣ одному и никакой пользы для ближняго. Я рѣшился бросить все хозяйство и сдѣлаться садоводомъ, но только съ цѣлью, чтобы своими познаніями дѣлиться потомъ съ меньшей братіей—крестьянами. Мнѣ пришлось на минуту призадуматься, справлюсь ли я съ этимъ дѣломъ безъ специальной подготовки. Только подумалъ, и сразу предо мной для примѣра предстали такія двѣ личности, которыя нигдѣ не учились, а сдѣлались образцовыми садоводами.

1) Въ селѣ Высокомъ Ш. уѣзда, гдѣ я былъ лѣтъ 30 тому назадъ народившійся учителемъ, свящ. о. І. Стандровскій собственными силами развелъ прекрасный фруктовый садъ. Этотъ батюшка насадилъ въ своемъ саду не только всевозможныхъ плодовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустовъ, но и разныхъ лѣсныхъ деревьевъ. Этотъ батюшка былъ настолько трудолюбивъ, что самъ съ помощью подростка—работника перекопалъ садъ на аршинъ глубины. Нужно самому испытать земляную работу, чтобъ судить, насколько тяжелъ имъ понесенный трудъ.

Да и садъ же у о. Іоанна! Съемщики садовъ говорятъ, что садовъ съ подобными рѣдкими сортами плодовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустовъ и не найдешь. Въ одно время предъ домомъ о. І. остановилась коляска, запряженная четверкою лошадей. Оказалось, что пріѣхалъ бывший въ то время министромъ Императорскаго Двора, графъ Воронцовъ—Дашковъ съ супругой (изъ имѣнія въ 8 верстахъ). Графъ слышалъ о священникѣ-садоводѣ и лично пріѣхалъ убѣдиться. Ужъ это одно вниманіе есть награда для труженика—садовода. Черезъ нѣсколько времени сгорѣли всѣ постройки о. І. и графъ далъ ему лѣса на всѣ постройки съ избыткомъ. Въ селѣ В. церковь обсажена деревьями—это труды о. І. Тамъ и сады появились—это подражаніе ему.

2) Въ с. Б. Грибановкѣ Б. уѣзда успѣшно занимался садоводствомъ діакъ І. Казанскій. У этого о. діакъ былъ образцовый садъ со всевозможными плодовыми деревьями и ягодными кустами. О. діакъ былъ истинный труженикъ: собственными силами перекопалъ землю въ своемъ саду на аршинъ глубины. Опъ

работалъ лѣтомъ и зимой: у него было положено обработать въ день известное число сажень. Сколько нужно положить труда, чтобы обработать мерзлую землю и не лопатой, а ломомъ. Я живу въ 60 верстахъ отъ Грибановки, слышалъ объ о. діаконѣ и его садѣ, нарочно вѣздилъ взглянуть на этотъ садъ, но труженика—діакона не засталъ въ живыхъ, а сынъ его повѣдалъ мнѣ то, что сообщаю вамъ.

Имѣя такіе примѣры, нельзя было раздумывать долго. Я сталъ выписывать книги и журналы по садоводству, сталъ бесѣдовать съ садоводами—провѣрять свои теоретическія знанія и года черезъ три почувствовалъ себя настолько подготовленнымъ, что рѣшился развести садъ и устроить свой питомникъ. Мою затѣю многіе сочли дѣломъ несбыточнымъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ сосѣдъ—священникъ, видя въ моемъ содѣстройныя деревья и плоды на нихъ, сказалъ мнѣ: „мы смѣялись, когда узнали, что ты собственными силами задумалъ развести садъ, да въ чистомъ полѣ, да на 5 десятинахъ, а теперь, если бы сошлись да вспомнили свои сужденія, покраснѣли бы.“

Чего, чего нѣтъ въ этомъ саду! Такой садъ и такое разнообразіе плодовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустовъ мнѣ необходимо было имѣть для питомника и дѣлиться всеѣмъ этимъ съ крестьянами. Хотѣлось этимъ разнообразіемъ показать, насколько Творецъ щедръ для насъ и какъ немного требуется съ нашей стороны, чтобы пользоваться Его дарами.

Девять лѣтъ прошло со времени посадки сада, и я достигъ своей цѣли.

(Продолженіе будетъ.)

Ужасъ одиночества.

I.

Древніе говорили, что вода боится пустоты. Въ этой жи есть доля правды. Здѣсь человекъ сваливалъ съ больной головы на здоровую, съ себя на воду, свое чувство приписывалъ водѣ.

Это—онъ самъ, человекъ, животное общественное, боится пустоты. И особенно страшна человеку пустота психическая—одиночество. О, чего не дасть, на что не пойдетъ человекъ, лишь

бы не быть одиноким! Сдружится съ лошадыю, собакой, сумашедшимъ!..

Глухая ночь... Вы увлеклись книгой, задумались надъ статьею. Но вотъ откидываетесь на спинку кресла, — и сразу дѣйствительность овладѣваетъ вами. Вы одинъ бодрствуете... все спитъ; спитъ человекъ, кошка, собака, спятъ въ вашей квартирѣ, въ сосѣдней, спитъ весь домъ, спитъ весь городъ. И жутко становится вамъ... Но случайно вы бросаете взглядъ въ окно, видите, — огонекъ мерцаетъ чрезъ улицу въ домъ, гдѣ то на третьемъ или четвертомъ этажѣ. Смотрите, — голова чья-то склонилась надъ работой... И пріятно вамъ сознать, что не вы одинъ еще не спите, что не все спитъ, что не одинъ вы въ городѣ.

Поздняя осень. Ночь захватила васъ въ дорогѣ. Вдали чернѣетъ лѣсъ. Направо туча надвигается. Дождь накрапываетъ, пронесся порывъ вѣтра, фыркнула боязливо лошадь. Налѣво стелется надъ болотомъ туманъ: какъ будто море безбрежное предъ вами... И жутко вамъ въ одиночествѣ. Съ какимъ то особенно таинственно — внутреннимъ вниманіемъ вы хотите ощутить везущую васъ лошадь... Вдругъ огонекъ, дымомъ пахнуло, собачій лай донесся, пѣтухи перекликнулись. А, деревня! — какъ то глубоко облегченно сознаете вы. Чувства одиночества нѣтъ, вамъ спокойнѣе, рука смѣлвѣе, крѣпче держать возжи...

А помните чеховскаго извозчика Іону Потапова!

Стоитъ Іона, ждетъ сѣдока, а снѣгъ покрылъ я его самого, и лошаденку его. Но Іона не чувствуетъ. Если бы цѣлый сугробъ упалъ на него, то и тогда Іона не шевельнулся бы. Сынъ померъ у Іоны. Тоска по сынѣ заполонила душу Іоны, тоска громадная, незнающая границъ. Дони грудь Іоны, и вылейся изъ нея тоска, такъ она бы, кажется, весь свѣтъ залила...

И хочется Іонѣ подѣлиться съ кѣмъ — нибудь тоской своей. Хочется рассказать, какъ заболѣлъ сынъ, какъ онъ мучился, что говорилъ передъ смертью, какъ умеръ... Нужно описать похороны и повздку въ больницу за одеждой покойника. Въ деревнѣ осталась дочка Анисья... И про нее нужно поговорить... Да мало ли о чемъ онъ можетъ теперь поговорить? Слушатель долженъ охать, вздыхать, причитывать...

Но одинокъ Іона. Не съ кѣмъ ему подѣлиться горемъ. Никому нѣтъ дѣла до Іоны, съ его тоской. Нѣтъ дѣла до Іоны

военному въ шинели съ капюшономъ, тремъ гулякамъ, дворнику, мальцу на постояломъ дворѣ. Всякому до себя лишъ. „Глаза Ионы тревожно и мученически бѣгаютъ по толпамъ, снующимъ по обѣ стороны улицы, не найдется ли изъ этихъ тысячъ людей хоть одинъ, который выслушалъ бы его? Но толпы бѣгутъ, не замѣчая ни его, ни тоски...

И не можетъ Иона совладать съ тоской своей и одиночествомъ. Тогда идетъ онъ и рассказываетъ все лошаденкѣ своей.

А помните старуху Г. И. Успенскаго!

Не съ кѣмъ старухѣ поговорить—душу отвести. А... душевное одиночество страшно вообще, и ужъ какъ страшно оно у Настасьи!“...

Родительскаго благословенія у ней нѣтъ. Своего ангела образокъ нажила Настасья за сорокъ лѣтъ! Но отдать некому. Были дѣтки... по гдѣ они. „Охъ, и гдѣ-то дѣтки мои милыя? Гдѣ дѣтушки мои родименькія?.. Ни одного нѣту! Теперь и волю дали. Да на что она Настасья: „хромяя я, одна на всемъ свѣтѣ, хоть кто бы одинъ живъ былъ, мальчинеъ... пришелъ-бы! нѣтъ, нѣту!..

Ни отца, ни матери нѣтъ... дѣтокъ нѣту!.. Нѣту, съ кѣмъ же мнѣ? И есть что одна собака!..

И подружилась старуха съ собакой дурдилкой. И какъ сдружилась!

Смотри!—говорила она дурдилкѣ,—только задумай уйдти... Разыщу, удавлю своими руками!

А какъ вѣрила она своему другу! Да ты хоть озолоти ее, не поидеть она къ тебѣ,—говорила она солдату.

Какъ дорожила Настасья этой дружбой! Да какъ не дорожить ей! Настасья такъ измучена, больна, одинока, что и подумать не можетъ—быть съ кѣмъ-нибудь, кромѣ дурдилки, въ пріятельскихъ или враждебныхъ отношеніяхъ.

Но человѣка въ себѣ не заглушишь и не обманешь.

Человѣческое сердце Настасьи въ глубинѣ своей таяло *страшную жажду* человѣка, жажду *общенія съ нимъ*, его ласки, его говора, его вниманія къ своему горькому житью...

И вотъ молодые супруги были въ періодъ медоваго мѣсяца въ отличнѣйшемъ расположеніи духа, и были они ко всѣмъ

расположены... Это расположение попало и на долю Настасьи, которой пришлось мыть полы въ квартирѣ молодыхъ. „Барыня ее распрашивала, сколько она получаетъ, гдѣ живетъ, отчего не лечила ногу. Господа удивлялись, жалѣли, обѣщали послать ее въ знакомому доктору, дали лишній полтинникъ, напоили чаемъ, подарили башмаки и сказали, чтобъ она приходила къ нимъ, когда нѣтъ работы. Словомъ, господа эти, по мнѣнію Настасьи, поняли ее и жалѣли. Очень хорошо чувствовала она въ душѣ. Ей казалось, что она живетъ уже не одна на свѣтѣ и не на воздухѣ висить, у ней есть подъ ногами земля. Она можетъ сходить „въ гости“. И она ходила въ гости, и чувствовала себя хорошо. И какъ благодарна была душа Настасьи своимъ молодымъ господамъ.

Вышло печальное, грустное, тяжелое недоразумѣніе. Молодые разбрасывали направо и налево свое медовое расположеніе; попала въ руку Настасья, — они бросили и ей. А Настасья думала, что она получаетъ отъ нихъ особое вниманіе. Такъ она измучилась одиночествомъ, такъ изжаждалась душа ея человѣческаго общенія, что грошъ ей показался за золотой. Такъ голодному кажется сладкой — вкусной превкусной гнилая корка хлѣба... И душу всю, изболѣвшуюся, истомившуюся отдала Настасья въ порывѣ благодарности своимъ молодымъ господамъ!

А господа, когда медовое расположеніе прошло, стали такими же эгоистами, какъ и всѣ, — и Настасью забыли. Да и помнили ли они ее когда либо?

Опять у Настасьи одна дурдилка.

Но и та забыла ее, поддавшись чувству материнства. И жить Настасья стало совершенно не за чѣмъ. Да и могла ли дальше жить Настасья, каждый вечеръ двухлѣтняго своего житья въ углу плакавшая на свое одиночество?..

Страшно и душно человѣку безъ человѣка, господа! И душѣ надо обмѣнъ воздуха духовнаго, иначе душа задохнется въ духовной углекислотѣ эгоизма.

И сколько уже задохлось? сколько убѣждало отъ ужаса одиночества въ пьянство, за зеленые столы, въ сумасшедшіе дома; сколько махнуло рукой, сознательно вытравивъ изъ себя всѣ высшіе интересы! А вѣдь было время, когда эти люди, многіе надѣленные талантами, подающіе надежды, вступали въ жизнь съ горящими глазами, вдохновенными рѣчами!.. Но открывшаяся

предъ ними бездна одиночества все потушила, превративъ одинокихъ въ живыхъ мертвецовъ. И кажется, — ничто такъ не богато этими жертвами, какъ наша русская, затхлая, какъ стоячая вода, вязкая, какъ болото, провинціальная жизнь... Всѣ, въ комъ еще есть хоть искра жизни, пусть идутъ и спасаютъ изъ бѣдны одиночества. Не ждите, когда сами одинокіе съ надорваннымъ сердцемъ, съ отчаяніемъ въ глазахъ, смертнымъ холодомъ въ душѣ, придутъ къ вамъ, еще бодрѣе еще не опустившимъ рукъ, не поникшимъ головою. Сами, добрые, идите къ отчаявшимся, бодрите ихъ, поднимайте ихъ, пишите имъ, зовите къ общенію. Убѣдите, что еще можно жить на Руси. Всколыхнулась Русь, духомъ жизни новой вѣетъ въ ней!..

Всѣ, кому дорога каждая искра жизни, въ комъ горитъ жажда правды, идите другъ къ другу, сплотитесь въ дружныя семьи. Тогда не погибнете, не задохнетесь, ни одна капля жизненного сока не изсякнетъ въ васъ.

Говорятъ, одна головня въ печи тухнетъ, двѣ въ полѣ горятъ. А если цѣлый костеръ? Тогда, чѣмъ сильнѣе вѣтеръ, тѣмъ ярче пламя, тѣмъ больше жару.

Только въ единеніи спасеніе отъ духоты одиночества, бездны отчаянія, смрада духовной смерти!

Въ единеніи и общеніи сила и жизнь, побѣда и торжество! Древніе говорили: одна соломинка представляетъ изъ себя только былинку; кучи ихъ могутъ остановить слона. Осень; падаетъ снѣгъ; красивыя, нѣжныя, хрупкія снѣжинки падаютъ вамъ на руку и тотчасъ таютъ. Слабыя снѣжинки, не могутъ бороться съ теплотой вашего тѣла; хрупкія снѣжинки гибнутъ въ одиночку на землѣ, не могутъ бороться съ земной теплотой. Но вотъ онѣ летятъ все тѣснѣй и тѣснѣй, все ближе и ближе ложатся другъ къ другу, все чаще и чаще падаютъ съ неба. И врагъ побѣжденъ, чрезъ полчаса земля покрыта бѣлымъ покровомъ.

А вотъ эти снѣжинки, собравшись въ комокъ, катятся съ горы, но больше и больше комъ снѣга, все крѣпче и крѣпче снѣжинка къ снѣжинкѣ. И станьте тогда противъ катящагося кома, съ ногъ васъ сшибетъ. А вотъ эти снѣжинки нѣжныя, слабыя, хрупкія въ альпахъ сплочаются въ лавины; спускается внизъ съ высокой горы эта лавина, — и все на пути своемъ сноситъ.

Эта снѣжинка—слабая, хрупкая, мертвая сила. А что надѣляетъ сила живая, когда начнетъ дѣйствовать вмѣстѣ! Что человѣкъ натворитъ, — сила разумная, эластичная, стойкая, живучая,—когда дружно и крѣико сплотится, организуется и пойдетъ противъ зла и неправды! „Когда нѣсколько человѣкъ, хотя и слабыхъ, согласятся на чемъ нибудь, — они могутъ сдѣлать великія дѣла. Разъ куча собравшихся вмѣстѣ муравьевъ убила львенка“.

Такъ вѣщаетъ древняя мудрость. Людямъ ли, собравшимся вмѣстѣ, не поразить *звѣря неправды, обмана и насилія!*

Въ единеніи и общеніи сила и жизнь, побѣда и торжество! Въ одиночествѣ и раздорѣ—ужасъ и смерть, гибель и позоръ.

(Жур. Трезвая Жизнь).

Что еще не dokonчено?

(Дума предъ новымъ—1908 годомъ).

Что еще не dokonчено духовенствомъ Православной Церкви?

Много имъ сдѣлано для Родины. Это сословіе на Руси было по преимуществу зотчимъ—строителемъ ея судебъ: это сословіе камень за камнемъ вкладывало все необходимое для государственнаго благоустройства.

Оно принесло въ Россію первую книгу; оно первое сдѣлалось грамотнымъ сословіемъ; оно открыло первыя на Руси школы.

Его усердіемъ и его руками построены были въ Россіи первыя великія церковныя зданія въ Кіевѣ и Новгородѣ.

Его вкусомъ руководились великіе князья рускіе при выборѣ образцовъ для церковной живописи.

Оно давало князьямъ изъ своей среды совѣтниковъ въ дѣлахъ управленія землею. При защитѣ отечества отъ внѣшнихъ враговъ рускіе цари умные и полезные совѣты получали отъ лицъ духовныхъ.

Вышнимъ лицамъ изъ духовенства поручалось воспитаніе правителей Россіи: Московскіе митрополиты весьма часто были въ собственномъ смыслѣ пѣстунами великихъ князей и царей.

Церковныя владыки съ русскими царями раздѣляли заботу о просвѣщеніи страны и о распространеніи въ ней полезныхъ знаній.

Годъ за годомъ, шагъ за шагомъ, духовенство русское вынѣчило величіе русскаго царства и церковный пастырь сталъ для страны *батюшкой и отцемъ*.

Кажется, нигдѣ въ свѣтѣ такъ не выросло *обаяніе* въ народѣ предъ *священникомъ* христіанскимъ, какъ въ *православной* Россіи.

На радость отцовъ росли дѣти. „Отцы“ духовные пользовались безграничнымъ авторитетомъ въ глазахъ своихъ духовныхъ дѣтей — паствы, пока сами стояли выше дѣтей и были ихъ лучше...

Но, вотъ, дѣти мало-по-малу стали переростать умственно своихъ духовныхъ отцовъ и отцы стали замѣтно отставать умственно отъ своихъ пасомыхъ — дѣтей.

Дѣти все сильнѣе и сильнѣе тянулись къ просвѣщенію, а отцы стали подвергать сомнѣнію пользу просвѣщенія и видѣть золотой вѣкъ тамъ, гдѣ и когда едва брезжился свѣтъ разума...

Пасомые стали подозрительно относиться къ такимъ отцамъ и отцы въ ихъ глазахъ день за днемъ, годъ за годомъ постепенно утратили авторитетъ и уваженіе, пока дѣло не дошло до того, что званіе „попъ“ стало браннымъ и презрительнымъ.

И не смотря на то, что русскій православный священникъ въ наши дни несетъ на себѣ массу самыхъ тяжелыхъ обязанностей, трудъ его въ глазахъ міра кажется малоцѣннымъ.

Чего не достаетъ православному русскому священнику?

— Образованія и просвѣщенія, говоря другими словами — культуры.

Весь свой вѣкъ работая на темныя народныя массы, идя рука объ руку съ простымъ народомъ, православный русскій священникъ опростился и спустился до низовъ малограмотности. Широкіе умственные горизонты закрыты отъ него его сѣрой, будничной, утомительно однообразной *поденьщиной*.

Русскій священникъ, какъ сказочный богатырь Микула Селяниновичъ, ушелъ весь въ землю съ ея примитивными императивами.

Нужно православному русскому священнику обязательно подняться до высоты обще-человѣческихъ умственныхъ интересовъ.

Какъ это сдѣлать? Путемъ братскаго взаимообщенія на почвѣ *идейныхъ* интересовъ.

Къ сожалѣнію, приходится сказать, что именно у русскихъ-то іереевъ и нѣтъ теперь братскаго единомыслія и общенія на почвѣ идейныхъ интересовъ.

Одинъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ мѣстной газеты „Тамбовскій Край“, хорошо знающій и мѣстныя настроенія, и мѣстныя отношенія, въ послѣднемъ № этой газеты за 1907 годъ писалъ, что *нынѣ вражда, ссоры, партійность, пристрастіе живутъ въ сердцахъ людей современныхъ и воплощаются въ словахъ, рѣчахъ, статьяхъ, листкахъ, газетахъ журналахъ въ книгахъ и даже—въ бібліотекахъ или въ книгохранилищахъ*. И сей священникъ, самъ не мало принесшій жертвъ на алтарь печатной вражды, тоскуетъ о любви и ищетъ братскаго согласія, справедливо полагая въ немъ смыслъ жизни и успѣхъ всякаго вообще дѣла. Если каждое дѣло требуетъ *согласія*, то наше пастырское служеніе совершенно немислимо въ той атмосферѣ взаимной вражды и злобы, какія царятъ весьма часто въ душахъ освященныхъ лицъ ко вреду пастырскаго дѣланія....

И еще печальнѣе то, что эта вражда выползала нарядно одѣтой изъ потаенныхъ угловъ и ходила по домамъ въ видѣ газетныхъ статей, опорочивавшихъ людей невинныхъ.

Культурные люди не стануть таскать мусоръ по домамъ, а вывезутъ его на задворки.

Привѣтствуя читателей Тамб. Еп. Вѣд. „съ новымъ, годомъ, мы шлемъ имъ братскій поклонъ и просимъ ихъ притти намъ“ на „помочь“ въ дѣлѣ оживленія редактируемаго намъ журнала, присылая намъ съ обширныхъ степей Тамбовскаго края полевые цвѣточки и изъ лѣсовъ этого края—пахучія вѣтки мощныхъ деревьевъ.

Какъ было бы хорошо, если бы сбьдись ожиданія Св. П. Благонадеждина, чтобы отъ газетныхъ и журнальныхъ статей не пахло.... злобой и сплетней, а благоухало бы благораствореніе... любви... Какъ это было бы хорошо!! Дай Богъ, чтобы это было впереди... Забудемъ прошлое и скажемъ: съ новымъ годомъ! съ новымъ дѣломъ!

Ректоръ семинаріи, прот. *І. Панормовъ*.

Новому Году.

Уврачуй наши старыя раны,
Гость желанный ты нашъ—Новый Годъ,
Успокой, вразуми насъ, безумцевъ,
Все бѣгущихъ куда то впередъ.
Мглу, покрывшую родину нашу,
Ты улыбкой своей озари,
И давно ужъ утраченный нами
Братскій миръ ты въ странѣ водвори.
Насъ, испорченныхъ вѣяньемъ смраднымъ,
Отуманенныхъ чадомъ страстей,
Зараженныхъ убійственнымъ ядомъ,
Оживи повою силой своей.
Уничтожь ты коварство и злобу,
Рядъ папастей, измѣнъ и невзгодъ.
Подари намъ любовь и единство,
Гость желанный ты нашъ, Новый Годъ.

(Колоколъ).

Виолемскій Вертепъ.

Преславную тайну и чудный зрю видь:
Въ убогій вертепъ небеса преселились,—
Гдѣ въ ясляхъ лежащій Младенецъ повить,
Тамъ горнее съ дольнимъ въ единое слились.
Вотъ, зрю Приснодѣву и Сына Ея,
Кого ожидали давно всѣ народы:
Призрѣлъ Онъ смиренью Рабы Своея,
Ее ублажать ужъ отнынѣ всѣ роды.
Строжайшій блюститель небесныхъ вѣлнй,—
Потомокъ Давида,—простой древодѣль,
Давно отрѣшившись отъ бури сомнѣнй,
Со страхомъ священнымъ на Чудо глядѣль.
Въ вертепѣ поистипѣ чудо чудесъ:
Начало пріемлетъ здѣсь Сущій отъ вѣка,
Незримый для жителей горнихъ небесъ
Становится Зримымъ очамъ челоуѣка.

Псаломщикъ *Никандръ Ларинъ.*

Преподобный Серафимъ Саровскій.

(† 18 $\frac{1}{2}$ 33—19 $\frac{1}{2}$ 02.)
75-лѣтіе.

Посвящается воспитан. 2-го Тамб. Серафимовскаго Дух. Училища.

Съ молодыхъ-юныхъ лѣтъ,
Давши Богу обѣтъ,
Ты въ обитель святую вселился;
Отъ мірской суеты,
Отъ людскихъ взоровъ ты
Здѣсь въ пустыню лѣсовъ удалился.
Гдѣ сосновый лишь боръ
Встрѣтить путника взоръ,
Для молитвъ тамъ одинъ поселился.
Въ той пустынной глуши
О спасенѣ души
Ты на камнѣ три года молился.
Познавъ силу Креста,
Возлюбилъ ты Христа,
Упованья на Немъ утверждая;
И любовью предъ Нимъ
Горѣлъ, какъ серафимъ,
Ты, по имени жизнь провождая.
Подъ высокой сосной,
Среди дебри лѣсной,
Одинокъ велъ съ Богомъ бесѣду;
Въ сей тяжелой борьбѣ
Духа съ плотью въ тебѣ
Одержалъ духъ надъ плотью побѣду.
Въ горній міръ умъ вперивъ,
Духу плоть покоривъ,
Сталъ Христовымъ сосудомъ избраннымъ;
И въ небесный чертогъ,
Гдѣ витаетъ Самъ Богъ,
Ты проникъ туда гостемъ желаннымъ.
Кто являлся къ тебѣ, —
Принималъ ты къ себѣ,
Человѣка и друга въ немъ видя;

И съ любовью отца
Проникалъ всё въ сердца,
Строй ума и души въ нихъ провидя.
Всякъ, чью душу томилъ
И чье сердце щемилъ
Ядъ тяжелыхъ грѣховныхъ мученій,
Кого совѣсти глазъ
Обличалъ каждый часъ,
За безуміе мста увлеченій:
Тотъ стремился къ тебѣ,
Находя здѣсь себѣ
Отъ душевныхъ слабу страданій.
Всѣхъ во всемъ утѣшалъ,
Никого не лишалъ
Ты полезныхъ своихъ назиданій.
Кто-жъ въ безопасности жилъ,
Кто грѣхамъ лишь служилъ
И кто чуждъ былъ о нихъ воздыханья:
Ты въ томъ умъ возбуждалъ,
Совѣсть въ немъ пробуждалъ
И на путь приводилъ покаянья.
Ты на благо всемъ жилъ,
И для всѣхъ всемъ служилъ,
И по смерти твоей духъ въ насъ витаеть.
И теперь всемъ съ небесъ
Льешь источникъ чудесъ
Ты на тѣхъ, кто тебя призываетъ...
Вотъ настала смертная часъ,
И на время отъ насъ
Подъ землею ты тѣломъ сокрылся;
Но чрезъ семьдесятъ лѣтъ
Изъ подъ спуда на свѣтъ
Ты въ мощахъ намъ со славой открылся.
И въ Саровскихъ стѣнахъ
На Своихъ раменахъ
Подъялъ гробъ Твой Нашъ Вождь Вънценосный.
Въ славѣ Неба ужъ зришь
Сталь для насъ Серафимъ,
Преподобный Отецъ Богоносный!

Даръ обильный чудесъ
Воспріавъ отъ Небесъ,
Ты прославилъ имъ край нашъ Тамбовскій...
Не оставь въ трудный годъ
Лихолѣтя невзгодъ,
Не оставь насъ подвижникъ Саровскій!
Моли Господа силъ,
Чтобъ Онъ милость явилъ
Надъ Царемъ и Его Царскимъ Родомъ,—
И Небесный покровъ,—
Щитъ отъ вражихъ ковъ,—
Распростеръ бы надъ русскимъ народомъ!
Моли Бога Творца,
Чтобы въ наши сердца
Миръ, любовь и согласье вселились,
Чтобы юннхъ умы
Отъ невѣрія тмы,
Отъ крамольныхъ идей отрезвились!

Псаломщикъ *Никандръ Ларинъ.*

Виолеемская ночь.

Хочу, чтобъ пѣснь моя звучала,
Какъ гимнъ востерженный, Тверпу!..
(„Эдманлъ“ Адамовъ)

Весь куполь небесный сіяетъ
Огнями въ ночной полу-мглѣ.
Луна Виолеемъ освѣщаетъ,
Ласкаясь къ уснувшей землѣ.

Ужь городъ давно погрузился
Въ покойный, живительный сонъ,
И нѣжно надъ нимъ опустился
Покровомъ ночной небосклонъ...

Но что за звѣзда засіяла
Вдругъ ярко надъ сонной землей
И прямо надъ кровлею стала
Постушей пещеры одной?

То—вѣсть для земли о явленьи
Того, Кто страданьемъ Своимъ

И смертию Своей за спасеніе
Весь міръ примирилъ съ Всеблагимъ.

Великое чудо свершилось

Всѣмъ людямъ коварнымъ и злымъ:

Дитя Неземное родилось

Звѣзда возсіяла надъ Нимъ.

Все было такъ чудно, прекрасно,

Такъ тихо вокругъ въ полу-мглѣ,

Какъ будтобы ждало всечасно

Чего—то на грѣшной землѣ.

Но спалъ теперь людъ беззаботно;

Онъ вѣсти не вѣдалъ благой.

Отъ тяжкихъ грѣховъ не свободный,

Не могъ постичь тайны святой.

Не спали лишь пастыри съ стадомъ,

И сонъ ихъ очей не смыкалъ.

А мѣсяцъ таинственнымъ взглядомъ

Имъ что-то въ душѣ предвѣщаль...

Вдругъ небо зажглося огнями;

Послышалось пѣнье съ небесъ,—

И, ярко сіяя лучами,

Явился имъ вѣстникъ чудесъ.

„Не бойтесь!“—сказалъ онъ,— „отъ Бога

Я вѣсть вамъ благою принесъ:

Се нынѣ съ святого Чертога

Нисшелъ къ вамъ Спаситель—Христосъ“ ...

Исчезъ... и весь міръ огласилея

Безчисленнымъ хоромъ духовъ:

„Хвала, Кто на землю явился,—

Великому Богу міровъ!!“

И долго потомъ раздавались

Тѣ пѣжные звуки вдали,

И эхомъ вездѣ отзывались

Вокругъ необъятной земли.

И всѣ пастухи изумились,

Услыша пѣснь чудную ту;

Въ пещеру пошли,—поклонились

Святому Младенцу—Христу.

Въ саду весной.

Вхожу въ уединенный садъ...
Ужъ смерклось... Небеса блестятъ
Огнями разноцвѣтныхъ глазъ.
Послѣдній лучъ зари погасъ...
Вонь... вонь, на небѣ, будто взоръ,
Блеснулъ—и скрылся метеоръ...

Все тихо... тихо... лишь порой
Деревья шелестятъ листвою.
Тамъ, гдѣ-то, пѣсня раздалась—
И звонко вдругъ оборвалась...
Чу!.. вотъ запѣлъ и соловей,
Пѣвецъ таинственныхъ ночей...

А скоро встанетъ и луна,
И осребритъ весь садъ она...
Какъ здѣсь отрадно отдохнуть!
Свободно, вольно дышетъ грудь,
А умъ, любуясь безъ конца,
Здѣсь зрѣть присутствіе Творца...

В. О.

С л а в а .

Слава всѣмъ, кто свѣтъ въ мірѣ
Трезвой жизни сѣмена,
Силою слова и примѣра
Разрушая власть вина.
Слава сѣятелямъ блага,
Кто, взамиръ лихихъ невзгодъ,
Просвѣщеніе и трезвость
Нашей родинѣ несетъ.
Нашимъ трезвенникамъ слава!
Наша трезвенная рать
Пусть въ борьбѣ растетъ и крѣпнетъ,
Чтобы жизнь пересоздать!

(Листокъ Трезвости).

Изъ жизни сектантовъ с. Лицаговъ.

(Окончаніе).

Борцомъ противъ сектантства выступило въ Лицагахъ организованное Епарх. Миссіонеромъ противосектантское братство. Соединенное во едино во имя православія, это „малое стадо“ усильно содѣйствуетъ торжеству истинной вѣры надъ заблужденіемъ нашихъ отпадшихъ братьевъ...

Сектанты никогда не дадутъ въ обиду своего сочлена. Сынъ Пресвитера штундо-баптистской общины теряетъ по неосторожности компрометирующія его письма. Послѣднія попадаютъ въ руки православныхъ 'сверстниковъ потерпѣвшаго, которые постарались ознакомиться съ ихъ содержаніемъ. Послѣ усиленныхъ просьбъ потерпѣвшаго „злосчастныя“ письма были вернуты ихъ владѣльцу; но содержимое ихъ, какъ и нужно было ожидать, сдѣлалось вскорѣ достояніемъ публики. „Духовное братство“ встревожилось не на шутку. Нарушитель благонравія былъ вызванъ на судъ всей общины, куда пригласили и разгласителей неприятной для всей общины исторіи. Хотя письма и были уничтожены, но обвиненный не отрицалъ однако дѣйствительности существованія ихъ у себя, только смыслъ содержанія совсѣмъ былъ, по его увѣреніямъ, не таковъ, каковымъ онъ сдѣлался предъ публикой.

„Это были“ — замѣтилъ онъ — „ничто иное, какъ выписки изъ книги Пѣснь Пѣсней: гради, голубице моя“ и т. д. На это православные замѣтили, что слова „Голубица“ въ письмахъ совсѣмъ не встрѣчается, напротивъ тамъ часто употребляется совсѣмъ не библейское имя „Авюты“.

„Чѣмъ-же вы докажете правдивость вашихъ словъ?“ — замѣтили имъ сектанты.

— „Такъ было написано“, могли только отвѣтить на это замѣчаніе простаки. Вѣднати и позабыли, что при отсутствіи вещественныхъ доказательствъ словамъ ихъ не придадутъ никакого значенія. Поэтому изъ обвинителей имъ пришлось обратиться въ обвиненныхъ: ихъ назвали попросту не только лжецами, но и клеветниками. По существу дѣла фактъ самъ по себѣ не заслуживаетъ почти никакого вниманія; но здѣсь слишкомъ рельефно выступаютъ сплоченность и единодушіе сектантовъ. Происходить аграрные безпорядки, въ которыхъ принимаютъ участіе и штундо-баптисты. Но

кому преимущественно пришлось расплачиваться своими спинами? Опять таки православнымъ. Прїѣзжаетъ молоканинъ въ экономію съ цѣлю грабежа. Одновременно съ его прїѣздомъ туда-же появляется отрядъ казаковъ для восстановления порядка. Перепуганный грабитель обращается въ бѣгство, при которомъ погибаетъ его лошадь. „Попуталь Богъ“, сказалъ-бы православный. Баптистъ разсуждаетъ иначе: по его мнѣнію, ему слѣдуетъ подать прошеніе, куда нужно, о томъ, чтобы вознаградили его за потерю лошади.

Въ полемикѣ съ православными штундо-баптисты дѣйствуютъ не всѣ одинаково. Болѣе начитанные стараются „поразить“ противника многословіемъ, состоящимъ нерѣдко изъ набора словъ, не доводя при этомъ спора до цинизма, на который способны сектанты совершенно безграмотные или очень малообразованные. Но всѣмъ почти безъ исключенія присуща черта перебѣгать отъ одной мысли къ другой, въ чемъ нельзя не замѣтить стремленія сбить съ толку своего противника. Если-же послѣдній твердо держится нити разговора, то въ этомъ случаѣ сектанты не стѣсняются поднимать шумъ, лишь-бы только не остаться, по крайней мѣрѣ, въ ихъ собственныхъ глазахъ побѣжденными. Субботники въ спорахъ болѣе сдержаны и менѣе фанатичны, чѣмъ баптисты.

Въ послѣднее время въ среду Липяговскихъ сектантовъ стали проникать мысли графа Л. Н. Толстого. Въ разговорахъ ихъ нерѣдко можно встрѣчать ссылки на этого знаменитаго мыслителя.

„А знаешь-ли ты“, замѣтилъ я однажды одному изъ почитателей графа: „что писатель, на котораго ты такъ часто ссылаешься, не вѣруеть въ божественность Господа Иисуса Христа?“

— „Не можетъ быть этого“, воскликнулъ мой собесѣдникъ, привскочивъ при этомъ на мѣстѣ, какъ ужаленный. Я, конечно, поспѣшилъ увѣрить его въ истинности высказаннаго мною, присоединивъ при этомъ и то, что Толстой давно уже отлученъ отъ православной Церкви. Не знаю, какъ подѣйствовало на моего собесѣдника это увѣреніе, только послѣ этого въ разговорахъ, по крайней мѣрѣ, со мною онъ уже болѣе не ссыался на авторитетъ этого писателя. Вообще же многія идеи графа, какъ видно, по вкусу приходятся очень многимъ сектантамъ и въ особенности такія мѣста, гдѣ такъ или иначе проглядываетъ недоброжелательство къ православію.

Семейная жизнь Липяговскихъ сектантовъ во многихъ отношеніяхъ можетъ служить образцомъ даже и для православныхъ.

Если они не могут похвалиться совершенною чистотою нравовъ, то во всякомъ случаѣ въ средѣ ихъ почти не встрѣчается деспотическаго отношенія мужа къ женѣ или вообще главы семейства къ остальнымъ членамъ. Терпимость въ дѣлахъ религіи можетъ считаться, за нѣкоторыми весьма малыми исключениями, вполне удовлетворительною. Если въ домѣ преобладающимъ числомъ является православіе, то въ немъ никогда не упраздняются иконы; въ этомъ послѣднемъ случаѣ даже не обращается вниманія и на главу семейства.

Если же въ сектантскомъ семействѣ какой либо изъ второстепенныхъ членовъ его остается въ православіи, то жизнь его не всегда, къ сожалѣнію, бываетъ легкою. Приходилось наблюдать случаи, гдѣ подобному члену и въ родной семьѣ жизнь становится нисколько не лучше жизни отверженнаго. Онъ очень часто подвергается всевозможнымъ стѣсненіямъ не только въ религіозномъ, но и въ другихъ отношеніяхъ. Я зналъ очень хорошо одно сектантское семейство, въ которомъ мать хозяйки оставалась въ православіи. Много, какъ рассказываютъ, пришлось натерпѣться горемычной старушкѣ за свои религіозныя убѣжденія. Но она, замѣтно, переносила все съ христіанскимъ смиреніемъ, ничѣмъ почти не выражая своихъ душевныхъ мукъ. Не задолго до своей смерти она положительно озадачила меня однимъ вопросомъ, изъ котораго я понималъ, что православіе ея за послѣднее время подвергалось особенно сильнымъ искушеніямъ.

— „Говорятъ будто-бы“, спросила она меня: „Государь нашъ и всѣ высшіе люди принимаютъ баптизмъ“?

— „Ничего даже нѣтъ и похожаго на это“, замѣтилъ я.

— „А меня увѣряютъ“, продолжала она: „что это суцая правда“.

— „Успокойся, бабушка, прибавилъ я: „Благочестивѣйшіе государи наши всегда строго держались православія, а нынѣ благополучно царствующій Государь особенно почитаетъ вѣру православную“.

— „Ну и слава Богу“, закончила она, перекрестившись и совершенно повидимому успокоившись.

Втолковать старушкѣ подобныя нелѣпости есть дѣло далеко не дѣтскаго легкомыслія, но скорѣе затаенная коварно-крамольная мысль, имѣющая въ виду подорвать въ ней довѣріе къ православнои Церкви.

Старушка послѣ этого вскорѣ умерла, удостоившись передъ смертію причастіе и особорованіе. За ея добрую, строго воздержную жизнь и за твердость въ православіи Господь послалъ ей и кончину поистинѣ безболѣзненную, непостыдную и мирную. Она почти вовсе не хворала и умерла въ глубокой старости.

Характеренъ въ смыслѣ религіозной нетерпимости сектантовъ, между прочимъ, и нижеслѣдующій фактъ. На Пасхѣ иконы носили мальчики. При прохожденіи мимо одного сектантскаго дома юные богоносцы подверглись нападенію собакъ. На мое замѣчаніе сектанту, хозяину собакъ, о неблаговидности подобныхъ поступковъ съ его стороны, послѣдній, стоявшій тутъ-же у воротъ и не хотѣвшій, какъ видно, остановить разсвирѣпѣвшихъ животныхъ, отвѣтилъ: „Въ рукахъ вашихъ мальчиковъ иконы, поэтому собакъ имъ бояться нечего“...

И это было высказано съ нескрываемою ядовитою усмѣшкою...

Въ послѣднее время Липяги стали навѣщать очень часто наиболѣ ревностные пропагандисты штунды. Они, по отзыву сектантовъ и православныхъ, „образованы и по—мірскому, и по—духовному“. „Дуже“ хорошо говорятъ,—отзываются о нихъ православные липяговцы, величая этихъ главарей секты „молоканскими митрополитами“.

Сектанты особенно сильно порицаютъ православныхъ за употребленіе крѣпкихъ напитковъ. Сами-же они, хотя и пьютъ „ке-лейно“ водку, но во всякомъ случаѣ не какъ напитокъ, „веселящій сердце человѣка“, а какъ „лѣкарство“, упуская при этомъ изъ виду возможность со стороны нѣкоторыхъ людей употреблять во зло и лѣкарство, что и испытываютъ на себѣ многіе изъ сектантовъ.

Даже внѣшній видъ штундистовъ характеризуется какимъ-то особеннымъ свойствомъ. На ихъ фізіономіяхъ, поступкахъ лежитъ отпечатокъ, выдѣляющій ихъ изъ среды самой нестрой толпы людей. Они почти всегда блѣдны, подозрительны и унылы. Отсутствіе жизнерадостности присуще даже и молодымъ сектантамъ. Престарѣлые штундисты почти никогда не смѣются; если же позволяютъ себѣ иногда улыбнуться, то улыбка эта является у нихъ совершенно непохожею на улыбку, свойственную русскому человѣку: она всегда какъ-то неестественно кривитъ ихъ губы и придаетъ фізіономіи ихъ далеко не привлекательный видъ. Въ обществѣ православныхъ сектантъ чувствуетъ себя всегда неловко; изобра-

жая изъ себя при этомъ чловѣка, преслѣдуемаго кѣмъ-то и чѣмъ-то, онъ старается въ большинствѣ случаевъ какъ можно скорѣе отдѣлиться отъ этого общества. Какъ примѣнимъ къ нему въ этомъ случаѣ голосъ Писанія: „Бѣжить нечестивый, иединому же гонящу“ (Прит. 28, 1; см. псал. 13, 5 и 52, 6).

Н. Ларинъ.

Признанія и новогоднія ожиданія отъ печатнаго слова.

Въ настоящее время въ книжномъ словѣ, въ газетахъ, въ періодическихъ изданіяхъ слово чловѣчества имѣетъ образы красивые на видъ, но горькіе на вкусъ. *Нынѣ почти нѣтъ правды въ словъ*, согласіе не бережется. *Вражда, ссоры, партійность, пристрастіе, живущіе въ сердцахъ современныхъ людей, тоже* самое и рождаютъ изъ себя въ свѣтъ, и воплощаютъ въ словъ, *въ рѣчахъ, въ статьяхъ, въ листкахъ*, часто въ *газетахъ, въ журналахъ, въ книгахъ*, иногда въ бібліотекахъ или въ книгохранилищахъ (?). И сколько здѣсь, въ печатномъ словѣ, *дьяволъ имѣетъ успѣха!* Сколько тутъ натѣшилась злоба! Много здѣсь онъ бѣдъ натворилъ, несчастій, погибели, невѣрія и безбожія своимъ кривословіемъ.

Отсюда, очевидно и несомнѣнно, что всѣ современные христіанскіе труженики пера и прессы, перевоплощающіе и отображающіе какъ въ радугѣ или въ кристаллахъ вѣчную истину въ безконечныхъ формахъ изящнаго слова, должны вращаться около Бога—Слова. Миръ, любовь, правда, радость, веселіе, помощь, объясненіе, величіе, слава, свѣтъ—все это должно быть присуще каждой газетѣ, всякой книгѣ, листку, журналу; должны сквозить въ страницахъ, въ статьяхъ, въ отдѣлахъ, въ строчкахъ, въ предложеніяхъ. Христіанскіе русскіе публицисты должны ярко отличаться отъ жрецовъ слова, какъ свѣтъ отъ тьмы. При этомъ условіи газетное поле будетъ свѣтлое, благоухающее, испещренное цвѣтами ума и знанія, искусства и красоты. Тогда только современная печать и неисчислимыя листы съ письменами будутъ являть всему міру радость. О, тогда только и миръ, воздѣленные миръ и согласіе, придутъ къ людямъ! И только тогда *станетъ въ чловѣчьихъ благоволеніе*, благая воля укрѣпится, твер-

дая вѣра возвысится надъ всѣмъ, появится успѣхъ, истинный прогрессъ возрастанія отъ силы въ силу, въ мѣру возраста Христова (Ефес. 4. 13), въ явленіи духа и силы (1 Кор. 2, 4).

И дай Богъ нашей мѣстной провинціальной газетѣ въ духѣ и силѣ, съ вѣрой и умѣньемъ въ наступающемъ новомъ, 1908, году такъ же ровно, безпартійно, объективно вести нелегкое публицистическое дѣло печатнаго слова! Дай Богъ и маленькому нашему „Тамбовскому Краю“ новыхъ силъ, свѣжести жизни, бодрости и трезвости слова правды, нелицемѣрной истины! Богъ— Слово да укрѣпитъ и нашего мѣстнаго „ветерана-редактора“! Съ радостію и я присоединяю свой косноязычный голосъ, свое простое слово и свидѣтельствую „Краю“ и его почтенному редактору сочувствіе, благожеланіе и благословеніе на добро, правду и художество слова! (Тамб. Край).

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

Открыта подписка на новый двухнедѣльный журналъ

„Живая Жизнь“.

Журналъ ставитъ собѣ задачей служить, по мѣрѣ силъ, торжеству *живой* жизни. Признавая религію за единый живой источникъ силъ, необходимыхъ для этого торжества, имѣя свои надежды, вѣрованія и теоретическіе взгляды, журналъ въ тоже время будетъ отличатся самой широкой терпимостью. Настоящій моментъ требуетъ не только религіозной практики, но и религіозно-умозрительнаго углубленія, а потому необходима совмѣстная работа представителей самыхъ различныхъ религіозныхъ направленій. Не пренебрегая фактами текущей жизни, не относясь безучастно къ явленіямъ общественнымъ, къ вопросамъ политики, журналъ будетъ ко всему подходить, все освѣщать съ точки зрѣнія своего основного отношенія къ жизни, въ которой главное— не преходящее и злободневное, а вѣчное, нетлѣнное, живое.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: свящ. К. М. Аггевъ, С. А. Аскольдовъ, Н. А. Бердяевъ, Свящ. І. Брехничевъ, проф. С. Н. Булгаковъ, Андрей Бѣлый, А. С. Волжскій, Э. Н. Гипсіусъ, А. В. Ельчаниновъ, В. В. Звѣтковскій, А. В. Карташевъ, Д. С. Мережковскій, А. А. Мейеръ, Арх. Михайлъ, В. А. Ни-

кольскій, Г. А. Рачинскій, В. В. Розановъ, В. П. Свенцицкій, проф. кн. Е. Н. Трубецкой, Д. В. Философовъ, П. А. Флоренскій, В. Ф. Эрнъ.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 4-5 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА 5 р. въ годъ съ пересылкой, 2 р. 50 к. на полгода, 50 к. въ мѣсяцъ. Отдѣльный номеръ—25 к.

Сельскимъ священникамъ, учителямъ и учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ 10% скидки.

Подписчикамъ „*Вѣка*“, внесшимъ подписную плату до 31-го декабря, скидки 20%, т. е. подписная цѣна на годъ—4 руб. Подписка принимается въ конторѣ журнала, въ книжномъ магазинѣ „*Братство*“ Москва, Тверская, д. Олсуфьева (противъ Брюсовскаго пер.)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
еженедѣльный духовный журналъ
„ПАСТЫРСКІЙ СОВЕСѢДНИКЪ“
(24-й годъ изданія).

Въ наступающемъ 1908 г. будетъ издаваться по прежней программѣ, обнимающей собою всѣ отрасли пастырскаго служенія и церковно-общественной дѣятельности духовенства. Газетный отдѣлъ, подъ общимъ заглавіемъ „*Вѣстникъ церковно-общественной жизни*“, будетъ значительно увеличенъ. Въ прилагаемыхъ къ журналу книжкахъ „*Христіанской Бесѣды*“ будутъ преимущественно печататься проповѣди, относящіяся къ явленіямъ современной жизни.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ—*пять* рублей, на полгода—*три* рубля.

Требованія адресовать: въ Москву въ редакцію духовнаго журнала „*Пастырскій Сovesѣдникъ*“.

Всѣмъ подписчикамъ приложенія къ журналу за прошлые годы и другія изданія редакціи („Христіанское Назиданіе“, прил. за 1907 г., 608 стр., ц. 1 р. 50 к., „Христіанская Бесѣда“ за пять лѣтъ съ 1900 по 1904 г., по 1 р. за годъ, „Проповѣдническій Цвѣтникъ“ — поученія на Великій постъ, ц. 1 руб. Сборники проповѣдей для народа „Святель“, „Вразумитель“, ц. по 1 р. 25 к., „Инструкція ц. старостамъ“, ц. 1 р., „Правила и формы слѣдственнаго производства“, ц. 1 р., „Правила и форы церковн. письменоводства“, ц. 1 р., „Права и обязанности Благочиннаго приходскихъ церквей“, ц. 1 р., „Новый уставъ о пенсіяхъ“, цѣна 40 коп. и пр.)

Высылаются за половинную цѣну наложеннымъ платежемъ.

Поступили въ продажу слѣдующія книги

Священника Серапіона Врояковскаго:

Почуенія на всѣ воскресныя и праздничныя дни. Изд. 3-е, значит. дополненное, ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 коп.

Почуенія и рѣчи на разные случаи изъ пастырской практики и церковно-приходскаго учительства. Сборникъ, составленный по лучшимъ проповѣдническимъ образцамъ. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.

Церковная летопись. Практическое руководство для пастырей при описаніи прихода въ историческомъ, религіозно-нравственномъ и друг. отношеніяхъ. Вып. I. Ц. 75 к. съ перес. 85 коп. Вып. II. ц. 85 к. съ перес. 1 руб.

Спутникъ пастыря. Сборникъ статей по вопросамъ пастырскаго служенія. Вып. I. ц. 80 к. съ перес. 1 р.

За вѣру и противъ лжевѣрія. Сборникъ назидательныхъ бесѣдъ, разказовъ и стихотвореній, ц. 80 к. съ перес. 1 р.

Очерки и разказы для школьнаго, народнаго и вѣбогослужебнаго чтенія ц. 1 р. 50 к. съ перес. 1 р. 75 к.

Школьный дѣтскій праздникъ. Сборникъ статей, басенъ, стихотвореній, дѣтскихъ игръ и нотъ для актовъ, школьныхъ литературныхъ вечеровъ, рождественскихъ елокъ и другихъ дѣтскихъ праздниковъ. Цѣна 75 к. съ перес. 85 коп.

При одновремен. требованіи всѣ книги высылаются за
7 руб. 50 коп.

Весьма лестные одобрительные отзывы о книгахъ, какъ необходимой принадлежности каждой церковной, пастырской и школьной библіотеки, помѣщены во многихъ періодическихъ изданіяхъ (Смотр. объяв. № 45 „Церк. Вѣд.“ за 1907 г.).

Требовать, ссылаясь на это объявленіе, по адресу:

М. Павлочь Кіевск. губ. свящ. С. Брояковскому.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ

ИЗДАНИЕ КАЗАНСКОЙ АКАДЕМІИ
ВЪ 1908 ГОДУ

(Подробн. № 51 Тамб. Епарх. Вѣд.).

О продолженіи изданія при Кіевской духовной Семинаріи
ЖУРНАЛА

„РУКОВОДСТВО для СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

въ 1908 подписномъ году.

(Подробн. № 52 Тамб. Епарх. Вѣдом.).

Открыта подписка на 1908 г.

Н А

МОСКОВСКІЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Выходитъ книжками въ 4 листа еженедѣльно по
расширенной программѣ.

(Подробн. № 44 Тамб. Епарх. Вѣд.).

РАСПРОДАЖА ПАРЧИ.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЕ Т—ВО

— М. Л. ШОРШОРОВЪ СЪ С_{МИ} —

ВЪ ТАМБОВѢ,

желая прекратить парчевое отдѣленіе, предлагаетъ ПАРЧУ
въ большомъ выборѣ съ значительной уступкой.

По соглашенію для церквей допускается разсрочка
платежа.

Аптекарскій Магазинъ

А. А. ЛАНЪ

Городъ Тамбовъ, Гимназическая улица,

предлагаетъ медикаменты для домашняго обихода, парфюмерию русскую и заграничную, высшаго качества пряности для кухни и стола, выдающееся по своему качеству керосино-миндальное мыло для стирки бѣлья, оно уничтожаетъ пятна и придаетъ бѣлью бѣлизну и пріятный аромат. Настоящее деревянное масло. Фотографическіе аппараты и принадлежности къ нимъ. Цѣны самыя умѣренныя и безъ запроса.

Всѣмъ духовнымъ лицамъ дѣлается уступка.

Покупателямъ къ празднику Рождества Христова будутъ розданы бесплатно изящные календари на 1908 годъ.

Фирма существуетъ съ 1881 года.

Содержаніе. Отдѣлъ неофициальный. I. Святой Іоаннъ Златоустъ. (Окончаніе). II. Противосектантскіе курсы въ с. Лицяхъ Борисоглѣбскаго уѣзда, Тамбовской губерніи. III. Изъ практики духовно—судебнаго слѣдователя. (Окончаніе). IV. Великая тайна. V. Мнѣніе свѣтскаго писателя о необходимости для Россіи религіознаго обновленія. VI. Бесѣда о садоводствѣ. VII. Ужасъ одиночества. VIII. Что еще не dokonчено. IX. Стихотворенія. X. Изъ жизни сектантовъ с. Лицяговъ (окончаніе). XI. Признанія и новогоднія ожиданія отъ печатнаго слова. XII. Объявленія.

И. об. Редактора, Ректоръ Семинаріи, Прот. *І. Панормовъ.*

Цензоръ, Протоіерей *Петръ Успенскій.*